

ЛЮБОВЬ ЧИРКОВА

ЕСЕНИН И РУБЦОВ

**Параллели судеб
Тайна гибели двух поэтов**

**Издание 2-е,
исправленное и дополненное**

**Саратов
Издательский центр «Наука»
2018**

УДК 882-1
ББК 84(Рос-Рус)6-5
Ч 65

Автор благодарит
есениноведа **Николая Фёдоровича Астафьева**
(г. Санкт-Петербург) за оказанную консультацию.

Чиркова Л.Л.

Ч65 Есенин и Рубцов. (Параллели судеб. Тайна гибели двух поэтов).
Саратов: ООО «Издательский центр «Наука», – 2018. – 122 с.
ISBN 978-5-9999-9881-0

Нередко люди, сталкивающиеся с темой гибели Сергея Есенина, бывают удивлены, что данный вопрос имеет какое-то продолжение в наши дни. Далеко не все знают, что уже в течение многих лет идёт настоящая борьба за раскрытие истинных обстоятельств смерти поэта.

То, что великий русский поэт Сергей Есенин был убит, сегодня у многих наших сограждан не вызывает сомнений. Но есть и те, которые до сих пор верят в совершенно нелогичное сообщение о самоубийстве поэта, и те, которые не видят дальше собственного носа и видеть не хотят. Третьих же вполне устраивает версия о самоубийстве, и размышлять о другой версии они не собираются. Но есть и четвёртые, которым надо просто-напросто открыть глаза. Вот в целом именно для них и предназначена эта книга.

Много фальши, порочащей честь и достоинство, внесено и в биографию ставшего классиком поэта Николая Рубцова, поэтому необходимо расставить все точки над «і» и в этом вопросе.

Книга будет интересна не только краоведам, но и преподавателям литературы, студентам и школьникам, и всем, кто интересуется историей нашей страны.

ISBN 978-5-9999-9881-0

УДК 882-1
ББК 84(Рос-Рус)6-5
© Л.Л. Чиркова, автор, 2018

*Быть поэтом – это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.*

Сергей Есенин

ПАРАЛЛЕЛИ СУДЕБ

* * *

Один из героев Василия Шукшина сказал: «Вот жалеют: Есенин мало прожил. Ровно – с песню. Будь она, эта песня длинней, она не была бы такой щемящей. Длинных песен не бывает».

Такую же короткую песню прожил и Николай Рубцов, большой поклонник поэзии Есенина, который пережил своего кумира в возрастных рамках лишь на пять лет.

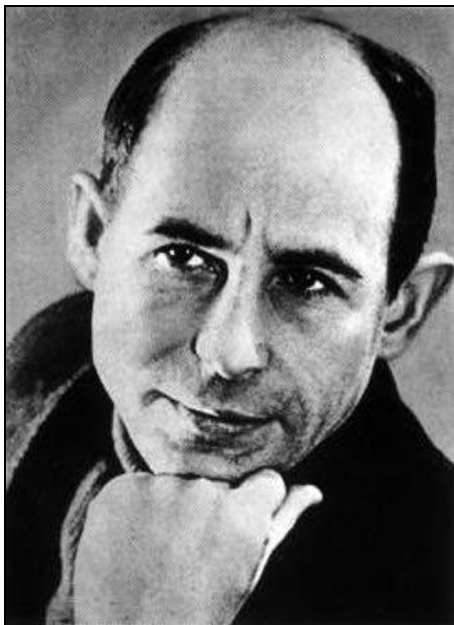
Таланты всегда приходят из глубин народной жизни, сказал кто-то, и с этим трудно не согласиться, и нет смысла перечислять тех, кто прославил нашу Россию, будучи уроженцем села, деревни, небольшого посёлка...

Приезжая в Константиново, чувствуешь, что рождение гения predetermined здесь природой:

Разбуди меня завтра рано.
Засвети в нашей комнате свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Вслед за Есениным слава пришла и к Рубцову. Правда при жизни ему не пришлось носить лаврового венка, но провидческое чувство не покидало его, и он знал, что наступит время и о нём заговорит весь мир. Среди прочих его подтверждений этому есть и такое шуточное стихотворение:

Слово моё верное прозвенит.
Буду я, наверное, знаменит.
Мне поставят памятник на селе.
Буду я и каменный навеселе.

Пророчество сбылось. И не один памятник поставлен великому поэту. И возле каждого из них всегда, как и на могиле в Вологде, свежие цветы. Народ любит своего поэта.

...Архангельская область. Вологодчина... Там родился народный гений, поэт Николай Рубцов, там прошла его короткая, ровно с песню, жизнь. И за этот период он написал много стихов и песен, которые сам исполнял под гармошку и гитару.

Как и Есенин, Рубцов был «нежно болен воспоминанием детства». Куда бы поэтов ни забрасывала судьба, они возвра-

щались в свой родной край, к родным полям и лесам. Неоднократно оба поэта воспевали свои село и деревню, где провели детские годы. Многие их стихотворения – биографические. Всё, что поэты прожили, что почувствовали, что видели, кем гордились, чему радовались и чем огорчались, – поведали бумаге. Поэтому каждое их произведение не вымысел для красного словца, а исповедь души.

«Чудный изныв русской души по родине вслед за Есениным пропел Рубцов. Но не повторил, а извлёк в небывалых доселе звуке и чувстве, в которых радость и боль, близкое и далёкое, небесное и земное существуют настолько слитно, будто это одно и то же есть!» (Валентин Распутин)

Фёдор Абрамов назвал Рубцова «блистательной надеждой русской поэзии». Несмотря на ревнивое отношение творческих людей к успехам друг друга, Рубцов уже при жизни многими почитался одним из небожителей современной русской лирической поэзии. Его называли наследником поэта Сергея Есенина. У него было обострённое чувство любви к России, он писал о самом сокровенном. «Поэт – классический образец этнического русича, – считает Лада Одинцова, доктор гуманитарных наук, доктор общественных наук, профессор гармонии Пражского университета. – Я знала его три года и могу свидетельствовать, что это лучший представитель коренного населения России, питал жертвенную любовь к людям, был сердоболен, восторженно и самоотверженно любил родину, отличался добротой, поражавшей до слёз при его бессеребренничестве и аскетическом нестяжательстве. Он был предельно честен... Я никогда за три года не слышала от него ни лжи, ни фальшивого слова, ни ругательства».

Читая проникновенные строки Рубцова читатель словно воочию видит картины того времени, быта, прошлого русской деревни с его добрыми людьми, готовыми всегда прийти на помощь попавшему в беду совершенно бескорыстно. Как в мастерски написанном стихотворении «Русский огонёк»:

...Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу (последняя надежда!),
И услышал, отряхивая снег:
– Вот печь для вас и тёплая одежда...

...Но я глухим брэнчанием монет
Прервал её старинные виденья...
– Господь с тобой! Мы денег не берём!..

В полутёмной комнате с божницей вырисовывается перед глазами простая деревенская женщина, которая ведёт разговор с поэтом, а читатель, словно третье лицо присутствует здесь же и сам слышит их диалог. И не только это. А каков вывод из сказанного, Рубцов оставляет домыслить самому читателю, что, безусловно, легко достигается, поскольку ответ прост: всё дело в загадочной русской душе, тайну которой до сих пор не разгадали иностранцы.

Как и его кумир Сергей Есенин, Николай Рубцов стихи писать начал рано, но первые его произведения не сохранились. В детском доме, по воспоминаниям его одноклассников, воспитанников и работников детского дома, Рубцов рано пристрастился к чтению и уже тогда у юного поэта проявились свои любимые поэты: Фёдор Тютчев, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Иван Бунин, Сергей Есенин...

Николай Рубцов не ходил далеко за темами своих стихов – они сами лились из него, ибо весь таинственный и чудесный мир, наполненный удивительными красками и живыми звуками, был вокруг него. Он жил в этом мире и писал о нём. Но самое главное, уже в те ранние годы творчество Рубцова стремилось к серьёзности, уже тогда юноша задумывался о жизни. Народный поэт, поэт родной земли – вслед за Есениным, этими словами можно назвать и Рубцова.

Своему любимому поэту Николай Рубцов посвятил несколько произведений, которые зарифмовал в строчки.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Слухи были глупы и резкú:
Кто такой, мол, Есенин Серёга,
Сам суди: удавился с тоски
Потому, что он пьянствовал много.

Да, недолго глядел он на Русь
Голубыми глазами поэта.
Но была ли кабацкая грусть?
Грусть, конечно, была... да не эта!..

Вёрсты все потрясённой земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музыки!

Это муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.

Весной 1968 года Николай Рубцов приехал на родину Сергея Есенина в село Константиново, а впоследствии так рассказывал об этом (сохранилась запись на магнитофонной ленте): «В домик Есенина нас сопровождала пожилая женщина... Нам, как почётным гостям, предложили попить из ковша, из которого, как сказали, пил Есенин. И когда я пил, кто-то сказал: «Да Есенин тоже был грубый, и вообще...» И тогда эта женщина сказала: «Да нет, он был очень нежный и скромный...» Так же отзывались друзья и о Рубцове.

Бывший директор музея Сергея Есенина в селе Константиново В.И. Астахов, принимавший поэта, вспоминает: «...Лицо Рубцова ожило. Налёт усталости, выражение грусти с него сошли. Потеплевшим взглядом он обвёл русскую печь, кухонную утварь с большим ведёрным самоваром, остановил его на сундучке, с которым Сергей Есенин впервые «покинул родимый дом», буквально впился в стол, за которым работал Сергей Есенин. Затаив дыхание, всматривался в иконы, часы, висевшие на стене, зеркало, а при виде шубы матери поэта Татьяны Фёдоровны глаза его повлажнели...»

Уникально перекликаются и такие стихи двух поэтов. Есенинские:

Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля...

И рубцовские, как бы продолжают разговор и мысли поэта, созвучные и родственные:

Случайный гость,
Я здесь ищу жилище...

У Есенина есть стихотворение «Хорошо под осеннюю свежесть...», где есть строки:

Никого не впущу я в горницу,
Никому не открою дверь.

Под «горницей» подразумевалась «душа». Рубцов, хорошо зная творчество Есенина, и, несомненно, это стихотворение, пишет:

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды...

Имеется в виду, что в душе Рубцова светло...

Когда открываешь сборник стихов Рубцова и читаешь любое стихотворение, то уже из памяти ничем его не выбьешь, оно ужеросло в неё, пустило корни. И вместе с этим деревенским парнем ощущаешь сердцем родную землю, о которой он писал. Чудится запах свежего сена на зелёных лугах, вместе с поэтом идёшь по осеннему золотистому лесу и вдыхаешь аромат трав и деревьев, видишь на пригорке разрушенный храм...

Когда-то Есенин советовал молодым стихотворцам искать родину, ибо без гражданских стихов поэт не может состояться. Рубцову не надо было искать родину, он уже родился вместе с любовью к ней. Он много поездил по стране, побывал в разных городах и весях, но всегда с багажом увиденного и с черновиками возвращался на свою северную сторонку. Ибо эта земля его породила и щедро питала его талант. И свой любимый край поэт воспел в своих стихотворениях.

Читая стихотворение Рубцова «Привет, Россия, родина моя», в душу вливается радость даже от самого слова «Россия», которое представляет собой слияние нескольких слов: это и «роса», и «сила», и «синь» – голубое небо над нашей необъятной Родиной. И вслед за Есениным, любимым словом которого было «Русь», Рубцов говорит: «Россия, Русь, храни себя, храни...»

Есенин и Рубцов пишут о родине, о родной земле естественно, словно дышат. Почти в каждом стихотворении чувствуется любовь к родному краю, которая является их опорой в жизни, источником, из которого они черпали свои вдохновенные строки.

Памятник С.А. Есенину на ст. Дивово Московско-Рязанской ж/д

Памятник Н.М. Рубцову в Вологде

Рубцов часто, не имея денег, попросту голодал, как и его кумир Сергей Есенин, который писал издателю М. Аверьянову: «Положение моё скверное. Хожу отрѣпанный, голодный, как волк...» Отрѣпанный и голодный неоднократно ходил и Рубцов. Но эти неурядицы не могли его сломить, он продолжал оставаться доверчивым и добрым. Он умел не озлобляться, что очень важно. И стихотворение о воробье, которому зимой голодно, холодно, и трудно, но от этого он не становится вредным – это он о себе. Таков же характер и самого поэта.

Сергей Есенин, будучи в Баку, в семье скульптора Эрзя, играл на балалайке и пел шуточные частушки, но не читал стихов, сколько его не просили. Эрзя объяснял этот факт тем, что Есенин слишком высоко ценил свой поэтический дар, чтоб заменивать его на пустяки... Поэт остерегался метать бисер, может быть, боясь, как бы случайно его не попрали ногами, ведь люди у Эрзя собирались разные. По той же самой причине и

Рубцов, находясь в малознакомой компании, предпочитал молчать, слушать, присматриваться и «мотать на ус». Другое дело, в родной Вологодчине, своим землякам, которых едва знал, он мог прочесть не одно своё стихотворение и исполнить песни под гитару или гармошку. Но, как и Есенин, знал: где, кому, сколько...

Сергей Есенин говорил в своё время: «Писать надо как можно проще. Это труднее». Куда уж проще писал Рубцов:

Топ да топ от кустика до кустика –
Неплохая в жизни полоса.
Пролегла дороженька до Устюга
Через город Тотьму и леса...

«Не жалею, не зову, не плачу»... За этими есенинскими строками скрывается нежная, отзывчивая душа поэта...

Им обоим выпала на долю страдальческая судьба. Они знали радости и неудачи, тревоги и потери. Тщетно искали счастья, очень хотели обрести покой.

И Есенин и Рубцов писали, отшлифовывая каждое слово, ничего лишнего, всё точно на своём месте, поэтому оба не терпели халтурщиков, каждое слово выстрадано, поэтому и обидно им было, когда издатели своевольничали и стремились внести в их стихи поправки. Есенин возмущался: «Кто им позволил залезать в мою душу и хозяйничать там, как им хочется? Люди не понимают того, что ведь каждая буква ставится с определённым расчётом. Прежде чем я её напишу, я её сто раз проверю! А какой-то бездельник в редакции чирк карандашом – и весь мой замысел летит к чёртовой матери».

Также проверял сто раз написанное слово и Рубцов, который критически относился к публикациям и, особенно, к редакторским правкам. В письме к А. Яшину он писал: «Подборка в «Юности» никуда не годится. Я не согласился бы печатать её, если б в это лето мне не очень потребовались деньги. Да ещё отредактировали кое-какие места... В результате рифма стала безвкусной, и слово «надрывались» потеряло ударное значение...»

Почему близки стихи Есенина и Рубцова народу? Потому что в них народ узнаёт радость и боль, близкую своей душе ав-

тора, красоту и запах родной стороны. У Есенина: «Звени, звени, златая Русь!», у Рубцова: «Россия, Русь, храни себя, храни!»...

Жизнь у обоих гениев оборвалась трагически в расцвете лет физического и духовного становления. Оба были убиты, но по-прежнему тайна гибели двух великих русских поэтов остаётся за семью печатями до сих пор. Доведётся ли нам когда-либо узнать о ней?

Но великие поэты никогда не умирают, они живут вечно в сердцах людей. И не на могилу своих кумиров приезжают люди, и не к ногам памятников возлагают цветы, а приходят к ним, к живым...

«...Все люди делятся на три части: народ, который никогда не узнает правды, и руководители, которые знают правду, но она такая ужасная и далёкая от действительности, что это главная их забота, чтобы кроме них её больше никто не узнал. И есть небольшое количество людей, которые пытаются узнать правду...»

Лазарь Каганович

ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ ДВУХ ПОЭТОВ

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

КТО И ЗА ЧТО УБИЛ ЕСЕНИНА?

1937 год считается самым страшным в плане репрессий, а вот про 20-е годы прошлого столетия забыли, а они были более жёсткие. На фоне драматического поворота жизни страны судьба Есенина – лишь капля в пучине народного горя. Во многом его трагическая доля явилась отражением борьбы двух ведущих политических сил (Сталин и Троцкий¹), в которой он занимал особое место.

¹ Иосиф Виссарионович Сталин (настоящая фамилия Джугашвили) – советский политический, государственный, военный и партийный деятель. С конца 1920-х – начала 1930-х годов до своей смерти в 1953 году был лидером Советского государства.

Лев Троцкий (Лейба Давидович Бронштейн) – с 1918-1925 гг. – председатель Реввоенсовета РСФСР. С 1923 г. – лидер внутрипартийной левой оппозиции, в 1927 г. был снят со всех должностей и отправлен в ссылку, в 1929 г. выслан за пределы СССР.

Долгое время нам внушали, что великий русский поэт Сергей Есенин был психически неполноценный, да к тому же и алкоголик. Он свёл счёты со своей жизнью в ночь с 27 на 28 декабря 1925 года в №5 ленинградской гостиницы «Англетер». Эта информация устраивала всех: и тех, кто его убил, и тех, кто никогда не видел и не знал поэта.

Лишь немногие люди доподлинно знали истинное положение дел, но молчали: это было время, когда просто за косой взгляд можно было попасть в лагерь на долгие годы, а то и вообще расстаться с жизнью.

**Слева направо: А. Мариенгоф, С. Есенин, А. Кусиков,
В. Шершеневич**

Есенина окружали так называемые «друзья», специально приставленные к нему для слежки сексоты: А. Мариенгоф, А. Кусиков (Кусикян), В. Шершеневич, Л. Берман¹, И. Приблуд-

¹ Лазарь Берман – секретный сотрудник ВЧК-ОГПУ, по доносу которого был расстрелян поэт Н.С. Гумилев. Спустя 4 года провокатор продолжил своё «чёрное дело»: давая показания, он назвал имена Есенина и Маяковского.

ный¹, Г. Бениславская², в жилах которых не было ни капли русской крови, а затем прибавился Вольф Иосифович Эрлих³, который был не только начинающим поэтом, но и штатным сотрудником органов госбезопасности в звании капитана...

Все они, прикидываясь друзьями, обманывали доверчивого Есенина, на самом деле шпионили за ним и докладывали куда надо. А так же по заданию сверху провоцировали разные ситуации, в которые попадал наивный Есенин, не подозревая, что это подстроили его «друзья». А позже и вовсе, никто не обмазал Есенина столь зловонной грязью, как это сделали Мариенгоф и Кусиков.

**И. Приблудный. С. Есенин, Г. Шмерельсон, В. Эрлих.
Стоятзади: В. Ричиотти, С. Полонский**

¹ Иван Приблудный (Яков Петрович Овчаренко) – секретный сотрудник ГПУ. За разглашение своей стукаческой подневольной службы его упрятали в ГУЛАГ.

² Галина Бениславская – секретная сотрудница ГПУ на Лубянке, любовница сына Троцкого. Через год после смерти Есенина её нашли мёртвой на могиле поэта.

³ Вольф Эрлих с 1920 г. (ему было 18 лет) стал секретным сотрудником ЧК ГПУ.

В. Шершеневич, С. Есенин, А. Мариенгоф

Г. Бениславская

С. Есенин

Милая Галя!

С носом вообще чепуха. Ничего делать не буду. Это больше раздуто от моей мнительности.

Дней через 6-7 я приезжаю в Москву. Еду в Рязань к Никитиным. Уж очень, дьявольски, захотелось поудить рыбу.

Книга моя вышла. 1-й экземпляр надписан Вам и лежит у меня на столе. Привезу сам. У меня к Вам большая просьба. Вчера Приблудный уехал в Москву. Дело в том, что он довольно-таки стал мне в копеечку, пока жил здесь. Но хамству его не было предела. Он увёз мои башмаки. Не простился, потому что получил деньги. При деньгах я узнал, что это за дрянной человек. Абсолютно точь-в-точь такой же, как с папирсой. Всё это было мне ужасно горько. Горько ещё потому, что он треплет моё имя. Здесь он всем говорил, что я его выписал. Собирал у всех деньги на мою бедность и сшил себе костюм. Ха-ха-ха – с деньгами он устраиваться умеет. Потому я сказал ему, чтобы он заплатил мне за башмаки. Это было ведь почти лучшее, что я имел из обуви. Он удрал. Удрал подло и низко. Повидайте его и получите с него три червонца. Сам я больше с ним не знаком и не здороваюсь. Не верьте ни одному его слову. Это низкий и продажный человек. Получить же я хочу с него ради принципа – чтоб не дать сволочи облапошить себя.

Прощайте, милая, и писать не могу. Горько, обидно, хоть плачь.

Сергей

26/VII. 24. Ленинград

Письмо С. Есенина Г. Бениславской

Итак, кто же убил Есенина? Кому он мешал?

Он мешал тем, для кого Россия была чужой страной, кто относился к России с презрением, для кого российский народ – примитивное быдло. А Есенин пел песни во славу России, да такие, что в изумлении замерла страна; поэт пробуждал национальное самосознание народа. На него злились оккупанты России и плели интриги, чтобы приглушить голос певца.

Сергей Есенин – наша бескомпромиссная русская совесть. Поэт не мог быть холодным созерцателем. Не мог он быть кривлякой-модником, не мог быть и циником-ветрогоном. Никто из русских поэтов не воспел так осязаемо и свято любовь к Родине, как он. Страстно, гневно переживая, страдая и радуясь, Есенин хотел помочь новому дню России.

Главный удар революции 1917 года был направлен на национальность и религию под предлогом борьбы с тиранией «царей и попов», а когда эта «тирания» была уничтожена, установился новый, во много раз более жёсткий деспотизм.

«В результате революции 1917 года Россия оказалась под властью правительства, состоявшего из одних только евреев», – писал английский журналист-писатель Дуглас Рид.¹

Ариадна Тыркова-Вильямс² делает выводы: «Среди большевистских заправил было очень мало русских. (...) Особенно много среди них было евреев. Они очень плохо говорили по-русски... Нация, над которой они захватили власть, была им чужда, к тому же они вели себя, как победители в покорённой стране... В Советской Республике все комитеты и комиссариаты были заполнены евреями. Они часто меняли свои еврейские имена... Но этот маскарад никого не обманывал... Доминирующий класс, который очень быстро выкристаллизовался кругом большевиков, в большинстве своём состоял из инородцев, людей, чуждых русскому народу...»

Есенин понимал и принимал революцию, но с крестьянским уклоном. То есть как осуществление народной мечты о справедливости, совпавшей для них со справедливостью социальной. Это не только установление справедливости на просторах

¹ Дуглас Рид «Спор о Сионе», «Кубань», 1991, стр. 42.

² А. Тыркова-Вильямс – журналист, писатель, критик, политический деятель.

России, но и братство народов всей земли – такое толкование революции было всеобщим для новокрестьянских поэтов.

Обладая обострённым чувством справедливости, Есенин внутренне не мог соглашаться с уничтожением русской интеллигенции. Он понимал, куда ведут Россию люди, прибывшие из-за границы в страну, где победила революция, не желающие знать чаяния простых людей. В стране была полная хозяйственная разруха, разграбление музеев, частных коллекций, церквей, библиотек, архивов и вывоз за границу национальных ценностей.

За период 1921-1922 года в столице было переименовано новыми властями около 500 улиц и площадей. Вооружившись краской и кистями, Есенин с группой товарищей ночью писали на стенах домов другие названия улиц – в честь себя и своих друзей в знак протеста.

Г.В. Плеханов¹ писал жене в 1917 году: «Как мало ты знаешь этих людей! Они способны подослать наёмного убийцу, а после убийства проливать крокодиловы слёзы».

Это было жуткое для творческих людей время. Не сделав карьеру в партии, армии или ГПУ, не сумев организовать собственное прибыльное дело, множество проходимцев и рвачей кинулось искать удачу в литературе и искусстве. Не имея элементарного таланта, плохо владея русским языком, они свою творческую беспомощность в искусстве прикрывали новыми авангардистскими формами. Их стихи с одинаковым успехом можно было читать с конца, а живописные картины смотреть перевёрнутыми. Именно эти люди, прикатившие после Октябрьской революции в нашу страну, захватили все творческие союзы, редакции газет и журналов, издательства.

Чтобы напечатать стихи, нужно было получить две визы – в Госиздате и военной цензуре, а точнее в ГПУ на Лубянке. Иннокентий Анненский в своём дневнике писал: «Страшное, могоильное впечатление от Союза писателей. Какие-то выходцы с того света. Никто даже не знает друг друга в лицо...» Есенин стал хлопотать об образовании издательства, где бы печатали

¹ Георгий Валентинович Плеханов – видный деятель российского и международного социалистического движения, основоположник марксизма в России.

произведения российских прозаиков и поэтов, подписывал коллективные письма в правительство, объединял вокруг себя крестьянских поэтов. Естественно, он оказался под пристальным вниманием сотрудников ГПУ.

Космополитические идеи денационализации России, её культуры и языка занимали в то время одно из первых мест в политической программе троцкистского (затем троцкистско-зиновьевского) блока. Пренебрежение к национальному (то есть русскому) порой подавалось как проявление подлинной революционности. Поэзию Есенина тогдашняя критика объявляла кулацкой, консервативной, религиозной... «Неистовые ревнители», не зная истории русского народа, не могли понять, к примеру, что крестьянское художественное сознание за свою многовековую жизнь буквально проросло мифами, притчами, метафорами, символами и в результате образовало единство земного и духовного, о котором Сергей Есенин сказал: «Слишком я любил на этом свете всё, что душу облекает в плоть».

«Основная тема моей поэзии – Россия! – говорил Есенин. – Без этой темы я не был бы поэтом. Мои стихи национальны...»

Чувство Родины – основное в его творчестве. В своих воспоминаниях В. Эрлих приводит такие слова Есенина:

– Знаешь, почему я – поэт, а Маяковский так себе – непонятная профессия? У меня родина есть. У меня – Рязань. Я вышел оттуда, и какой ни на есть, а приду туда же! А у него – шиш! Вот он и бродит без дорог, и ткнуться ему некуда. Ты меня извини, но я постарше тебя. Хочешь добрый совет получить? Ищи родину! Найдёшь – пан! Не найдёшь – всё псу под хвост пойдёт! Нет поэта без родины!».

Есенин, выйдя за рамки каких бы то ни было конкретных школ, течений и направлений, осознав себя в родстве с классиками, берёг, лелеял и нёс в себе то исконно русское начало, без которого его стихи просто не могли бы существовать. Любая политика неизбежно сопрягалась в его сознании с вопросом: «А что будет с Россией?» И русский поэт в его представлении не мог не разделить с Россией её судьбы, какой бы горькой она ни была.

В часы бессильной злобы, не зная, чем помочь себе и своему народу, незадолго до гибели Есенин написал в статье

«Россияне»: «Не было омерзительнее и паскуднее времени в литературной жизни, чем время, в которое мы живём. Тяжёлое за эти годы состояние государства в международной схватке за свою независимость случайными обстоятельствами выдвинуло на арену литературы революционных фельдфебелей, которые имеют заслуги перед пролетариатом, но ничуть перед искусством. Выработав себе точку зрения общего фронта, где всякий туман может казаться для близоруких глаз за опасное войско, эти типы развили и укрепили в литературе пришибевские нравы. Давно стало явным фактом, как бы не хвалил и не рекомендовал Троцкий разных Безымянских, что пролетарскому искусству грош цена... (...) Эти фельдфебели поучают русских писателей, что и как им писать».

А. Толстой с горечью писал: «Сколько примеров, когда большой художник затравлен и не воспринят. Сколько примеров, когда бездарность возводилась в гении».

А. Луначарский, Юрий Лурье¹ и многие другие призывали к уничтожению русской истории и литературы, православия и вообще всех традиций земли русской...

В письме Е.И. Лившиц, написанном в августе 1920 года, Есенин горько признавал: «...Идёт совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определённый и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний. Тесно в нём живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений».

«Люди заезжие» создавали нынешнюю Америку на бывшей английской колонии на крови и костях коренных жителей – краснокожих. А «Русскую Америку» – на костях русских крестьян.

Защити меня, влага нежная,
Май мой синий, июнь голубой.
Одолели нас люди заезжие,
А своих не пускают домой...

¹ Анатолий Васильевич Луначарский – советский государственный деятель, публицист, критик, искусствовед, с 1917 по 1929 годы – первый нарком Просвещения СССР. Юрий (Михаил) Лурье – в 1925-1926 годах – первый заместитель председателя ОЗЕТа, политический и общественный деятель, экономист, публицист.

«Люди заезжие» уже не просто одолели – но с поразительным бесстыдством и наглостью уничтожали всё русское, глумились над нашими вековыми верованиями и национальными святынями. Всё русское травили и поносили, выдирали с корнем, полагая вредным пережитком прошлого.

В книге «Россия и евреи», изданной в 1922 году русско-еврейским общественным деятелем И. Бикерманом¹ было опубликовано: «Русский человек никогда не видел еврея у власти; он не видел его ни губернатором, ни городовым, ни даже почтовым чиновником. Были и тогда, конечно, и лучшие и худшие времена, но русские люди жили, работали и распоряжались плодами своих трудов. (...) Теперь еврей во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе Красной Армии. (...) русский человек видит теперь еврея и судьёй и палачом. (...) неудивительно, что русский человек, сравнивая прошлое с настоящим, утверждает в мысли, что нынешняя власть – еврейская, и что потому именно она такая осатанелая, что она для евреев и существует, что она делает еврейское дело, в этом укрепляет его сама власть».

«Точно мне, законному сыну российскому, в своём государстве пасынком быть. Надоело мне это б... снисходительное отношение власть имущих, а ещё тошнее переносить подхалимство своей же братии к ним. Не могу, ей-богу, не могу! Хоть караул кричи...», – говорил поэт А. Кусикову.

С такими взглядами Есенин естественно оказался под пристальным вниманием сотрудников ГПУ.

Вернувшегося из-за границы поэта систематически травили в печати. Его давно вели к гибели. С января 1920 года Лубянка систематически занималась его «делами», а стукачи не выпускали его из своего поля зрения, арестовывали 13 раз и привлекали к уголовной ответственности за шовинизм, национализм, чего только на него не навешивали.

Однажды, 20 ноября 1923 года поэты С. Есенин, А. Ганин, С. Клычков и П. Орешин зашли в столовую, купили пива и стали обсуждать предстоящее вечером заседание в союзе поэтов. Вдруг сидевший за соседним столом незнакомец (М.В. Родкин)

¹ Иосиф Менассиевич Бикерман – российский историк, писатель, публицист.

выбежал на улицу, вызвал работников милиции и обвинил поэтов в антисемитских разговорах и оскорблении Троцкого. Их арестовали, дело кончилось товарищеским судом.

Была травля поэта, Бухарин¹ даже обозвал его «мужиковствующим поэтом», не стесняясь, называл быдлом. О самом Бухарине в своей книге М.С. Агурск²ий пишет: «Я полностью отвергаю миф о Бухарине как об умнейшем «русском» человеке и позволю себе считать его «дураком» советской истории, притом злейшим врагом всего русского».

Поводом для арестов поэта не раз служили доносы юрких «товарищей»: сентябрь 1920-й – А. Рекстень, Шейкман; сентябрь 1923-й – М. Родкин; январь 1924-й – Ю. Эрлих; февраль 1924-й – С. Майзель, М. Крымский; март 1924-й – братья Нейман. Только на Лубянке Есенина незаконно держали пять раз. Провокаторы из ЧК, а затем ГПУ делали всё, чтобы уничтожить поэта «законным» путём. Одного за другим убивали в подвалах Лубянки его друзей... При загадочных обстоятельствах погиб А. Ширяевец, был расстрелян А. Ганин... Дружья подсказывали Есенину: «Ты следующий!» Он это прекрасно понимал...

Знал, чем рискует, но не мог молчать.

Отсюда и протест, и «хулиганские» стихи. За внешней бравадой и удалью хулигана скрывались грусть и обида, великое сострадание, и проникновенная любовь к родине.

Вскоре Есенин отошёл от имажинистов (Мариенгоф, Шершеневич, Ройзман), о которых сам поэт сказал: «У собратьев моих нет чувства родины во всём широком смысле этого слова, потому у них так несогласованно всё. Потому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния».

Многие литераторы новой волны не скрывали ненависти к русскому поэту. Дружья свидетельствовали, что в последнее время перед гибелью поэта его не оставляли в покое чекисты – и ему нередко приходилось бегать с друзьями по подворотням, путая следы, чтобы оторваться.

¹ Николай Иванович Бухарин – советский политический и партийный деятель, руководитель партии и государства.

² М.С. Агурский, журналист-писатель, видный сионист, автор книги «Идеология национал-большевизма», с. 11.

В стране действовал «первый советский» декрет о суровой расправе над погромщиками и антисемитами, подписанный В.И. Лениным¹ ещё 25 июля 1918 года «О пресечении в корне антисемитского движения», нарушение которого каралось смертной казнью. За одно произнесение слова «жид» подразумевалось в военное время применение высшей меры наказания. Ляпни после этого по неосторожности это слово – и только тебя и видели!..

Во время одной из встреч с друзьями Есенин заявил: «Сейчас пойду на улицу и крикну: «Жиды продали Россию...» Илья Эренбург² вцепился в него мёртвой хваткой – никуда ты не пойдёшь. И тут последовало: «Я ведь не против тебя, я вообще...» Смысл этого «вообще» был понятен им обоим...

Его открыто травили, плели против него искусные интриги, распространяли небылицы. Его неоднократно били, объявляли антисемитом.

– Ну, какой я антисемит! Евреек я люблю, они меня тоже. Жёны у меня еврейки, дети евреи, еврейского поэта Мани Лейба³ я пропагандирую в России. Нет у меня антисемитизма, – говорил поэт.

Свои мысли он любил высказывать вслух. Скоро ему написали ярлык врага Советской власти.

«Поймите, в моём доме я не хозяин, в мой дом я должен стучаться, и мне не открывают...» – говорил Есенин, и эту сказанную поэтом фразу записала Г. Бениславская.

На вопрос, бывает ли он у себя в деревне, Есенин ответил: «Мне тяжело с ними. Отец сядет под деревом, а я чувствую всю трагедию, которая произошла с Россией».

Во всех бедствиях и страданиях России, как считал Есенин, виноваты жиды, и предлагал принимать меры. Открыто, громко

¹ Владимир Ильич Ленин (настоящая фамилия – Ульянов) – выдающийся советский политический и государственный деятель, первый председатель Совета Народных Комиссаров (правительства) РСФСР, создатель первого в мировой истории социалистического государства.

² Илья Григорьевич Эренбург – прозаик, публицист, поэт, общественный деятель.

³ Мани Лейб Брагинский – американский еврейский поэт и переводчик. С ним Есенин познакомился в США.

и во всеуслышание он ругал «паршивых жидов» которых поддерживают «их Троцкий и Каменев».

Будучи в Берлине в Доме немецких лётчиков, где состоялся концерт-бал для российских студентов, Есенин участвовал в нём, а кроме него Алексей Толстой, Александр Кусиков и Мария Андреева. О событиях той ночи оставил воспоминания Роман Гуль¹: «И мы вышли втроём из Дома Немецких Лётчиков часов в пять утра. Фонари уже не горели. (...) Мы шли медленно. Глеб Алексеев² держал Есенина под руку. На воздухе он быстро трезвел, шёл твёрже и вдруг пробормотал:

– Не поеду в Москву... не поеду туда. Пока Россией правит Лейба Бронштейн...

– Да что ты, Серёжа? Ты что – антисемит? – проговорил Алексеев.

И вдруг Есенин остановился. И с какой-то невероятной злобой, просто с яростью, закричал на Алексеева:

– Я – антисемит?! Дурак ты, вот что! Да я тебя, Белого, вместе с каким-нибудь евреем зарезать могу... и зарезу... Понимаешь ты это? А Лейба Бронштейн, это совсем другое, он правит Россией, а не должен ей править... Дурак ты, ничего этого не понимаешь...»

Поэт не мог примириться с Лейбой Бронштейном не потому, что тот – еврей, а потому, что он правил Россией. Причём, правил не во благо русского народа, а во вред ему. И это заставляло страдать поэта. И выплёскивалась его сердечная боль в стихах.

О себе самом Лейба Бронштейн был самого высокого мнения. «Архитектор революции» – любил величать себя Троцкий, масон и агент австрийского правительства. В своём дневнике он записывал: «Если бы в Петербурге не было Ленина и меня, не было бы и Октябрьской революции». А вот как характеризует Троцкого его соплеменник Арон Симанович³ – личный секретарь Григория Распутина. В книге своих воспоминаний он

¹ Роман Гуль – русский писатель, эмигрант, журналист, публицист, историк, критик, мемуарист, сценарист, издатель.

² Глеб Алексеев – нештатный агент ГПУ.

³ Арон Самуилович Симанович (1873-1978): «Распутин и евреи: воспоминания личного секретаря Григория Распутина».

приводит такое высказывание «вождя №2», говоря об уничтожении России буквально следующее: «Мы должны превратить её в пустыню, населённую белыми неграми, которым дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, и не белая, а красная. В буквальном смысле этого слова красная, ибо мы прольём такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в тесном контакте с нами. Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках её укрепим власть сионизма, и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путём террора, кровавых бань мы доведём русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния... А пока наши юноши в кожаных куртках – сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы, о, как великолепно, как восхитительно умеют они ненавидеть всё русское! С каким наслаждением они физически уничтожат русскую интеллигенцию – офицеров, инженеров, учителей, священников, генералов, агрономов, академиков, писателей!..»

Нельзя не содрогнуться, читая эти страшные строки. Это чудовищно! Это – мораль убийцы, мораль распоясавшегося каннибала. И какое нужно было иметь подлое нутро, чтобы при этом лицемерно возглашать на весь мир заведомо лживые лозунги «об освобождении пролетариата» и «о защите интересов угнетённого народа»!

Вот такое «светлое будущее» готовил для России прототип комиссара Лейбмана-Чекистова в поэме Есенина «Страна негодяев», приехавший в Россию, чтобы православные церкви превратить в «места отхожие». В первом советском правительстве русских было всего лишь двое, а из 556 человек, стоявших на вершине административно-командной иерархии с 1917 по 1927 год, 448 были евреи... А в президиуме ВЦИК не было ни одного русского¹.

¹ А что сказали бы ныне те же евреи, если бы на вершине еврейской власти в Израиле встали исключительно русские?

Являясь инициатором концентрационных лагерей, Троцкий прославился молниеносными кровавыми расправами. Его приказы и речи испещрены словами: «Предать смерти до третьего поколения», «Залить кровью и свинцом», «Обескровить», «Испепелить». Он не только отдавал приказы, но и любил расстреливать собственноручно.

Лейба Бронштейн умел хорошо говорить и обещать золотые горы, но современники называли его – «истинно сущий дьявол во плоти». Чуть что – «убрать», «к стенке», «расстрелять»!

Эти черты проявились у него смолоду. Он сионист и масон, своего родного батьку с его миллионным состоянием ни за пюнюшку табака продал, свою жену с двумя малолетними детьми в Сибири бросил. Удачно женился на Наталии Седовой – дальней родственнице Ротшильдов, после чего началась его «удачная» политическая карьера.

Как только в России свершилась революция, которую все ждали словно манны небесной, как из Америки прибыл Лейба на пароходе с «десантом» таких же живодёров, как сам, финансируемый банкиром-сионистом Якобом Шиффом. И неспроста главарь масонского Временного правительства Александр Керенский (Арон Кирбис) встретил Бронштейна-Троцкого под музыку духового оркестра.

Сионистские банкиры Ротшильды были не только казначеями, но и «основоположниками» первоначального тайного коммунизма. Пятиконечная звезда – символ пяти братьев Ротшильдов. Войну Японии с Россией и поражение России, а затем убийство Столыпина финансировал тоже Я. Шифф, глава банка «Кун, Леб и К^о». В феврале 1912 года банкир Леб заявил: «Подлюю Россию, которая стояла на коленях перед японцами, мы заставим стать на колени перед избранным от бога народом...» А сразу после Октябрьского переворота Троцкий заявил: «Они думали, что мы будем пассивны, но мы им показали, что когда дело идёт об удержании завоеваний революции, мы можем быть беспощадны... Врагов наших будет ждать гильотина, а не только тюрьма...»

Стоит вспомнить и том, как Троцкому – «демону революции» – вздумалось поставить в уездном городе Свяжске памятник Иуде Искариоту, продавшего Христа за 30 серебрянни-

ков. Невольным свидетелем тому стал датский торговый агент Хенинг Келер, поведавший миру об этом, поразившем его событии. Скульптуру – идолище поганое – установили в центральном городском парке. Председатель Совета, по характеристике Келера, – «явно ненормальный рыжий еврей» – произнёс речь. Толпа людей, собравшихся здесь, словно онемела, когда со скульптуры упал покров, и глазам собравшихся предстала буро-красная гипсовая фигура нагого чудища. Искажённое злобой лицо этого истукана было свирепо задрано к небу, а руки судорожно срывали с шеи затянутую петлёй верёвку.

Небольшой город Свяжск славился издревле православными церквями, соборами, монастырями. Люди здесь свято блюли христианскую веру, и решение установить в центре города памятник уже было не просто блажью, а изощрённо-осмысленным, иезуитски-оскорбительным и злорадно-садистским надругательством над чувствами русских православных людей. По существу, это было глумление над Россией. Простоял это памятник недолго: местные жители повалили его и уничтожили. Узнав об этом кощунственном поступке, сам вождь революции В.И. Ленин с брезгливым отвращением назвал Лейбу «Иудушка-Троцкий».

Сегодняшние радетели «Иудушки-Троцкого», стараясь всячески обелить своего кумира, истошно кричат, что, мол, его, несмотря ни на что, из истории не выкинешь. Это так. Как не выкинешь из Библии Иуду.

А вот что ещё сочинил этот кровавый маньяк: «Русский народ интересуется нас лишь, как навоз большой истории». Тут он предвосхитил самого Адольфа Гитлера, который писал в «Майн Кампф»: «Территорию России населяет низкокачественная раса славян, неспособных создать собственную культуру и нуждающихся в руководстве народа с благородной кровью...»

Мог ли это спокойно воспринимать Сергей Есенин? Он не робел, а смело бросал в глаза «верховному Иуде» вызывающе и гневно обличительное: я знаю, что ты настоящий жид...

Творчество поэта не вписывалось в новую большевистскую действительность, в любой момент он мог быть уничтожен за вполне конкретные строки из его говорящей поэмы «Страна негодяев» о Советской власти (1922-1923), в которой был вы-

веден образ комиссара Чекистова «пламенного революционера», прибывшего в Россию на «ловлю счастья и чинов». Настоящее лицо революции – чекист-иудей, переполненный ненавистью к русскому народу, желающий уничтожить «русского равнинного мужика». Есенин обозначил типичные приметы жестокого времени, и мог бы лишиться жизни за слова, вложенные в уста Номаха:

Пустая забава!
Одни разговоры!
Ну что же?
Ну что же мы взяли взамен?
...Пришли те же жулики, те же воры
И законом революции
Всех взяли в плен...

Сам Троцкий был выведен в поэме в нелицеприятном и хорошо узнаваемом образе Чекистова, гражданина из Веймара.

Вот характерный диалог солдата Замарашкина и Чекистова:

Замарашкин: Слушай, Чекистов!..
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты настоящий жид,
Ругаешься ты, как ярославский вор,
Фамилия твоя Лейбман,
И чёрт с тобой, что ты жил
За границей...
Всё равно в Могилёве твой дом.

Чекистов: Ха-ха!
Ты обзвал меня жидом.
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей.
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет...
Странный и смешной вы народ.
Жили весь век свой нищими
И строили храмы Божии...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие...»

Выделенные строчки изъяты редакторами и цензорами советской эпохи после смерти Есенина в начале 1926 года из корректуры подготовленного поэтом «Собрания стихотворений», и с тех пор не воспроизводились ни в одном из его собраний сочинений и сборников и всех посмертных изданий Есенина.

В этом кратком диалоге, ёмком по мыслям и ярком по художественному образу, дан объёмный тип местечкового еврея-оккупанта Лейбмана, ненавидящего Россию и её народ.

Как у всякого тюремного надзирателя у Троцкого всё больше разгорался его волчий аппетит, кровожадно чесались руки. Палач в книге «Искусство и революция» пишет: «Жизнь даже чисто физическая станет коллективно-экспериментальной. Человеческий род, застывший «хомо сапиенс», снова поступит в радикальную переработку и станет под собственными пальцами объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки...»

И началось в России строительство ГУЛАГов. Первые руководители ГУЛАГа – палачи русского народа: Фёдор Иванович Эйхманс, Лазарь Иосифович Коган, Матвей Давыдович Берман, Израиль Израилевич Плинер.

Руководство ГУЛАГа состояло только из евреев, как и в главном управлении лагерей и поселений НКВД:

Начальник главного управления – Яков Матвеевич Берман;
Заместитель – Самуил Яковлевич Фирин;

Начальник лагерей на территории Карельской АССР и начальник политического лагеря – Самуил Леонидович Коган;
Нач. лагерей и поселений Северного края – Финкельштейн;
Нач. лаг. и пос. Свердловской обл. – Погребинский;
Нач. лагерей и поселений Западной Сибири – Шабо;
Нач. лагерей и поселений Казахстана – Волин;
Нач. Соловецкого лаг. особого назначения – Серпуховский;
Нач. Верхне-Уральского политического изолятора особого назначения – Мезнер;

«Честь» изобретения этих знаменитых лагерей смерти принадлежит иудею Натану (Нафалию) Ароновичу Френкелю.

Евреи – начальники управления НКВД на местах:
Московской области – Реденс;

Ленинградской обл. – Заковский;
Западной обл. – Блат;
Северный край – Риткович;
Азово-Черноморский край – Фридберг;
Саратовский край – Пилляр;
Сталинградский край – Раппопорт;
Оренбургская обл. – Райский;
Горьковский край – Абрампольский;
Северо-Кавказский край – Файвилович;
Свердловской обл. – Шкляр;
Башкирская АССР – Зеликман;
Восточная Сибирь – Троцкий;
Средняя Азия – Куковский;
Белоруссия – Леплевский.

Все руководители лагерей были евреями, а потом самые громко кричащие о геноциде евреев тоже были евреями...

На момент создания НКВД у руля власти были:

Нарком – Гершель Гершелевич Иегуда или Генрих Ягода;

1-й заместитель наркома – Я.С. Агранов;

Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) – Л.Н. Вольский;

Главное управление пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) – М.П. Фриновский;

Отдел кадров гражданского состояния – М.М. Алиевский;

Административно-хозяйственное управление (АХУ) – М.М. Островский;

Финансовый отдел (ФИНО) – Л.И. Берензон;

Отдел кадров (ОК) – Я.М. Вейншток;

Особоуполномоченный НКВД СССР – В.Д. Фельдман;

В составе Главного управления государственной безопасности (ГУГБ):

Особый отдел – М.И. Гай;

Оперативный отдел – К.В. Паукер;

Специальный отдел – Г.И. Бокий (украинский еврей);

Учётно-статистический отдел – Я.М. Генкин;

Первый зам. нач. ОГПУ (расстрелявший Н.С. Гумилёва) – Я.С. Агранов (Сорензон);

Главный бухгалтер НКВД – Берензон;

Начальник химической лаборатории (отравление ядами) – Майрановский;

Начальник Беломорских лагерей – Л.И. Коган;
Нач. Беломорско-Балтийского лагеря – С.Я. Фирин;
Нач. главного управления тюрем НКВД СССР – Х. Аперт;
Нач. лагерей на территории Украинской ССР – С.Б. Канцельсон, затем Балицкий;
Нач. лагерей Западной Сибири – Шабо, затем Гогель;
Нач. лагерей в Дальневосточном регионе – Дерibas;
Руководитель «Центрального управления торговлей и общ. питания НКВД СССР» – Я.Б. Шнеерсон;
Нач. инженерно-строит. отдела НКВД СССР – А.Я. Лурье;
Нач. отдела охраны Правительства – К.В. Паукер;
Особоуполномоч. при коллегии НКВД – В.Д. Фельдман;
Нач. Секретариата НКВД – Я.А. Дейг;
Нач. Особого отдела ГУГБ НКВД – И.М. Леплевский;
Нач. 3-го отдела Управления НКВД – А.П. Радзивилловский;
Комендант Кремля – П.П. Ткалун;
Зам. нач. следственной части Л.И. Рейхман;
Списки финансистов, банкиров, начальников карательной системы, (а при СССР – все директора лучших магазинов) – евреи.

Так вот кто создавал тот режим, в котором обвиняют Сталина. Сталин перехватил власть только после 1929 года, когда Троцкого выдворили из страны, но его соратники всё равно оставались у власти и продолжали свою политику. Их Сталин вычистил в преддверии Великой Отечественной войны. И как показало будущее, не зря. Это факты. Кстати 20 января 1941 года Гитлер заявил, «...пока жив Сталин, никакой опасности нет: он достаточно умён и осторожен. Но когда его не станет, евреи, которые сейчас обретаются во втором или третьем гарнизонах, могут продвинуться в первый...»¹

Почему же евреи ненавидят Сталина? Он ликвидировал революционный каганат в России, дав самим сионистам перекусить друг друга. Они были уничтожены ими же самими созданным строем.²

¹ Вторая мировая война: два взгляда...с.136.

² Но справедливости ради, следует сказать, что не все евреи, однако, создавали эту историю, и она, в свою очередь, распространялась не на всех евреев. Поэтому нельзя огульно осуждать всю нацию, как и всех немцев обвинять в гитлеризме.– Л.Ч.

«Рязанский скандалист» позволял себе резкие выпады против членов Политбюро ЦК РКП(б), характеризовал Гражданскую войну как «дикость подлую и злую». Есенин понимал, что играет с огнём, знал, чем рискует, но не мог молчать.

Как свидетельствуют многие источники (Д. Фурманов, Д. Бедный, А. Соболев¹ и др.), Есенин «крыл» на всех углах «Советскую власть».

«Так крыть большевиков, как это публично делал Есенин, не могло и в голову придти никому в советской России. Всякий, сказавший десятую долю того, что говорил Есенин, давно был бы расстрелян», – рассказывал А. Соболев в начале 1925 года.

Ему приходилось прятаться у друзей, уезжать в другие города (на Кавказ, в Баку). В Батуми на него было совершено нападение неизвестных лиц. Возвращаясь из Баку 6 сентября 1925 года в поезде «Баку–Москва», поэт резко повздорил с дипломатическим курьером Альфредом Рога и Юрием Левитом, близким знакомым Льва Каменева². Рога и Левит через канцелярию наркомата по иностранным делам подали на Есенина в суд, требуя возмездия. А 17 декабря Есенин должен был скрыться от преследования (против него было возбуждено дело). Выход из сложного положения подсказали сёстры поэта Катя и Шура – «спрятаться» в клинике Московского университета, в психиатрической больнице, («психов не судят»), где главным врачом был земляк и дальний родственник Есениных, профессор Ганнушкин, любивший поэта. Есенина поместили туда не по состоянию здоровья, а спасая от судебного процесса, который хотели устроить над ним после скандала в поезде. Ганнушкин охотно помог Есенину избежать ареста и суда. Тогда никому и в голову не пришла мысль, что пребывание в больнице потом будет трактоваться как реальный диагноз.

¹ Андрей Соболев – один из членов президиума комиссии по организации похорон Есенина – через год его найдут мёртвым на скамейке Тверского бульвара.

² Лев Борисович Каменев (Розенфельд) – российский революционер, партийный и государственный деятель, видный большевик, один из старейших соратников Ленина. В 1936 году осуждён по делу «троцкистско-зиновьевского» центра и расстрелян.

А тогда, будучи в клинике, Есенин написал 12 стихотворений, в том числе «Клён ты мой опавший...»

«Есенин был дальновиден и умён. Он никогда не был таким наивным ни в вопросах политической борьбы, ни в вопросах художественной жизни, каким он представляется иным простакам. Он умел ориентироваться, схватывать нужное, он умел обобщать и делать выводы, – писал Александр Воронский.¹ – И он был сметлив и смотрел гораздо дальше других своих поэтических сверстников. Он взвешивал и рассчитывал. Он легко добился успеха и признания не только благодаря мощному таланту, но и благодаря своему уму».

За две недели до смерти (в декабре 1925 года) Есенин встретил в издательстве знакомого писателя, и они отправились пить пиво. Разговорились, и собеседник положительно высказался о Каменеве, на что Есенин возразил: «Предатель революции». И тут же рассказал, что у него есть телеграмма Каменева, отправленная великому князю Михаилу с поздравлением в связи с восшествием того на престол после отречения Николая II. На просьбу показать эту телеграмму Есенин заявил, что она спрятана в надёжном месте. Через несколько месяцев в Москве открылся пленум Коминтерна. В качестве главы была предложена кандидатура Каменева. Сталин в прениях выступил против, сославшись на ту самую телеграмму.

Очевидно, Есенин проболтался человеку, близкому к ЧК. И улика, якобы хранившаяся у поэта, понадобилась в борьбе за власть. Неясно только, кто именно дал указание. У всех были свои причины, свои мотивы.

¹ А.К. Воронский – литературный критик, публицист, во времена Есенина редактор журнала «Красная новь», где публиковался Есенин, и «Прожектор», возглавлял издательство «Круг».

КАК УБИЛИ ЕСЕНИНА

Петербургский писатель, журналист, член Союза писателей России, учёный-литературовед Виктор Кузнецов издал книгу «Тайна гибели Сергея Есенина», которая вызвала интерес в Великобритании, Германии, Италии и Югославии. Положительный отклик на книгу дала лондонская газета «Гардиан». А «Книжное обозрение» в 1998 году назвало книгу интеллектуальным бестселлером.

Будучи «архивной крысой», изучая многочисленные документы, в которых автор встречался с искажением нашей истории, он увидел, что поступки Есенина, о которых шла речь, противоречат его личности. Возникло ощущение, что многое не стыкуется в этой истории. Даже становилось стыдно за некоторых исследователей.

В начале 80-х, когда наступила «оттепель» и многие тайные архивы, например МВД, ФСБ, стали доступны, автору повезло и некоторые документы по «делу Есенина» оказались в его руках (сегодня эту работу проделать было бы невозможно).

Виктор Кузнецов досконально проверил их и доказал, что все бумаги, которые фигурировали в ходе следствия, сфальсифицировали, например, акт судмедэкспертизы.

Интересен и тот факт, что Есенин не переступал порога гостиницы «Англетер», в контрольно-финансовых списках квартирантов (форма №1) в сохранившейся инспекционной бухгалтерии среди проживающих в гостинице он не значился. Никто из обслуживающего персонала и остановившихся там гостей, не видел и не слышал Есенина, тем более с пятью огромными чемоданами, один из которых был размером с сундук. Учитывая невероятную общительность поэта, такого практически не могло быть. К тому же без регистрации в режимной гостинице никто не мог проживать. Также нет регистрации и каких-либо сведений о проживании в гостинице и «гостей» Есенина, впоследствии фигурантов и свидетелей по этому делу, написавших фальшивые воспоминания.

В то время это была ведомственная гостиница для ответственных работников (строго режимный объект), находилась под неусыпным контролем и тщательным наблюдением со-

трудников ленинградского ОГПУ, и посторонние люди в гостиницу не допускались, а проживали заметные партийно-советские чины, красные командиры и другие видные товарищи. Мог ли Есенин жить в режимной гостинице без регистрации и согласования с администрацией, состоящей из работников ГПУ? Гостиница находилась под пристальной охраной работников ГПУ, проживающих в её номерах. Преобладали тайные и явные сотрудники ОГПУ. Номера 315-318 (четыре комнаты) занимала бывшая жена Троцкого – Соколовская-Бронштейн, с которой бывший муж поддерживал дружеские отношения. В номере 128 проживала А.Я. Рубинштейн – фанатичная троцкистка, в номере 319 – её помощница Д. Кантор.

Такой мог видеть гостиницу «Англетер» С.А. Есенин

Номер 5, в котором якобы проживал Есенин, был одним из самых неприглядных, бывший аптечный склад, без ванны и других удобств, соседствовал с жилыми углами «дяди Васи», дворника Спицина и других работников гостиницы. В номер не заглядывало солнце, и, как выяснилось, не было даже чернил.

Когда книга Виктора Кузнецова вышла в свет, она попала в руки майора запаса Виктора Титаренко, который более 20 лет назад слышал и записал исповедь «выпускника ГУЛАГа» Николая Леонтьева. Тот, будучи уже старым и больным человеком, неожиданно разоткровенничался и сказал: «Витёк, а ведь вот этой самой рукой я застрелил Сергея Есенина». Тогда эти слова показались офицеру, знающему, что поэт покончил само-

убийством, бредом сумасшедшего, но, тем не менее, он тщательно записал признание бывшего заключённого.

Прочитав книгу Виктора Кузнецова, Титаренко решил опубликовать признание, которое хранилось у него много лет. Анализ биографии Николая Леонтьева полностью совпал с фактами, о которых шла речь в исследовании.

По словам Леонтьева, как только Есенин прибыл в Ленинград, то он с Блюмкиным¹, который хорошо знал поэта, поскольку был вхож в литературную богему и сам пописывал стихи, заманили его к себе, якобы обмыть встречу.² На самом деле по негласному распоряжению Троцкого поэта с вокзала доставили в тайный следственный изолятор ОГПУ и держали его в доме №8/23 по проспекту Майорова³, где допрашивали четыре дня. Смысл допросов заключался в том, что Есенина хотели завербовать в качестве секретного сотрудника ГПУ, но Есенин не соглашался, сопротивлялся и угрожал. Стали избивать и переусердствовали. Возможно Троцкий не давал приказа убивать поэта, но так уж случилось... По-видимому, Есенин сопротивлялся и с силой толкнул Блюмкина, тот упал. Тогда Леонтьев выстрелил...

На оригинальной фотографии Есенина, хранящейся в архиве рукописного отдела Национальной публичной библиотеки в Петербурге, видно пулевое отверстие над правым глазом и след от удара, рукояткой револьвера в лоб, который нанёс ему Блюмкин.

Из записей Леонтьева: «Они пытались повесить Есенина на собственном ремне. Но у Есенина талия была узкая, и им не

¹ Яков Блюмкин – Симха-Янкель Гершевич Блюмкин – известный провокатор, чекист-головорез, убийца немецкого посла Мирбаха. После этой чудовищной акции Блюмкин был некоторое время в тени, но потом вновь оказался на ответственной работе в ГПУ. Пользуясь покровительством Троцкого и других вождей, Блюмкин мог совершить любое злодеяние. Но причастен ли Блюмкин к убийству Есенина – вопрос спорный.

² Арестовать Есенина могли в доме Софьи Толстой, где он проживал, но его специально выманили в Ленинград.

³ Соседний с гостиницей «Англетер» дом по проспекту Майорова служил следственной тюрьмой ГПУ и имел секретные подвальные ходы, в том числе и в гостиницу.

удалось привязать его к трубе парового отопления, поскольку ремень был коротковат. Они приткнули его к батарее, чтобы представить след от удара рукоятки револьвера как ожог».

После убийства поэта Блюмкин тут же связался с Троцким и спросил, что делать с трупом Есенина. Тот ему ответил, что завтра появится его статья в газете о том, что неуравновешенный, упаднический поэт наложил на себя руки, и все замолчат. Так и произошло. Официально было объявлено – ушёл из жизни несчастный, недавний пациент клиники для душевнобольных, злоупотреблявший алкоголем скандалист, растративший свой талант на кабаки и девиц сомнительного поведения, повесился от тоски, заблуждений, одиночества.

Поэзия Есенина была запрещена, имя поэта было приказано забыть. За чтение его стихов полагалась 58-я¹ статья. И её

¹58-я статья УК РСФСР – «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений». В 20-е годы – «враг народа».

получали. Кампания борьбы с «есенинщиной» продолжалось не одно десятилетие.

Впрочем, это не единственная версия убийства С. Есенина. Г. Ойцевич¹ опубликовал в Польше книгу под названием «Убийство Сергея Есенина. Криминалистическо-историко-литературное исследование». Автор считает, что «номер 5 гостиницы «Англетер» «стал свидетелем необыкновенно жестокого и одновременно примитивного преступления-мистификации, непосредственными исполнителями которого по поручению Кремля было, по всей вероятности, двое мужчин: агент ОГПУ и администратор гостиницы Василий Назаров² (1896–1941) и секретный сотрудник ЛГПУ, а притом средний журналист Георгий Устинов (1888–1932). Их я считаю убийцами Есенина, о чём я писал раньше в книге и «статьях...»

Я. Блюмкин и В. Назаров

Расследованием дела якобы самоубийства Есенина занималась некая странная организация, которая называлась «Активное секретное отделение уголовного розыска» – УГРО АО-ЛГИ, а не ГПУ. Все документальные материалы о деятельности

¹ Гжегож Ойцевич – высшая школа полиции г. Щитно, Польша.

² Чекист Василий Михайлович Назаров в годы Гражданской войны служил в карательном отряде и принимал участие в расстрелах.

АОЛГИ 1924-1929 годов чья-то рука уничтожила (в нём могло быть и «дело Есенина»).

20 января появилась в газете «Правда» статья Троцкого о кончине Есенина, в которой он дважды датирует смерть поэта 27 декабря (хотя все советские газеты называли 28-е число).

Это дело в 1925-1926 годах курировала помощник губернского прокурора по 1-му участку города Ленинграда М.К. Вальяно. Через три дня зав. столом дознания и следователь нарсу-да 2-го отделения ЛГМ И.А. Вергей и народный следователь Д.И. Бродский 23.01.26 г. вынесли постановление о прекращении дознания и закрыли дело №89 о самоубийстве поэта Сергея Александровича Есенина «из-за отсутствия состава преступления». Материалы дела были отправлены в Московский музей Есенина, который вскоре тихо закрыли.

Точную дату гибели – 27 декабря – назвал в своём некрологе всесильный и всезнающий Троцкий. Этот некролог был зачитан великим Качаловым¹ со сцены МХАТа, после чего состоялась публикация в газете. Откровенный ответ на вопрос – за что было убивать поэта – даёт в своём некрологе Лев Троцкий. Вчитайтесь внимательно: «Поэт погиб потому, что был несроднён революции. Но во имя будущего она навсегда усыновит его». Троцкий был в ту пору главным куратором творческих людей страны Советов, выпустил книгу «Литература и революция», где Есенин проходил по разделу «Литературные попутчики революции».

Троцкий пытался купить талантливого поэта, предлагал ему большие деньги на издание собственного журнала. Есенин отказался, понимая, что будет зависим от Льва Давыдовича и обязан выполнять все его пожелания, а это может идти вразрез его жизненным принципам. После отказа отношение Троцкого и его приближённого чекиста Блюмкина к поэту изменились в худшую сторону.

За это его казнили тихо и подло, инсценировав самоубийство.

...И лишь в 80-е годы 20-го столетия, как гром среди ясного неба, появились статьи следователя по особо важным делам

¹ Василий Иванович Качалов – заслуженный артист РСФСР (1924), народный артист РСФСР (1927), народный артист СССР (1936), Сталинская премия (1943). Настоящая фамилия Шверубович.

полковника МВД, Эдуарда Хлысталова с Петровки, 38. Он первым с фактами в руках подверг сомнению укоренившуюся версию о самоубийстве поэта.

Пробелам судебно-криминалистического характера в деле о смерти Есенина, как утверждает Эдуард Хлысталов, несть числа! Ошибок много, как логических, так и физических.

С.М. Киров в ту пору назначил Есенина главным редактором русского литературного журнала «Россиянин» в Ленинграде. Поэт приехал к назначенному сроку, а Киров опоздал (его задержали важные дела).

Поехав из Москвы в Ленинград в декабре 1925 года, Есенин во всеуслышание заявил, что намерен в Ленинграде начать новую жизнь: работать, редактировать журнал, что он полон творческих замыслов, тем более скоро должен был выйти в свет первый том его Полного собрания сочинений, чем Есенин очень гордился. Ведь не многим писателям выпадала честь быть удостоенным такой публикации при жизни.

Со дня на день должна была придти вёрстка первого тома Полного собрания стихотворений Есенина, которую он с нетерпением ждал и собирался внести правку. Прозаик Софья Виноградская вспоминала: «Издание Полного собрания сильно занимало его. Он заранее предвкушал удовольствие щупать первый том своих стихов и говорил: «Вот в России почти все поэты умирали, не увидев полного собрания своих сочинений. А я вот увижу своё собрание. Ведь увижу!» Он говорил это, пошевеливая большим и указательным пальцами, словно перелистывая страницы своих сочинений. А вся фигура и лицо его, озарённое, выражали какое-то притаённо-радостное ожидание».

В то время, когда сплетничали о беспробудном пьянстве Есенина, он работал как одержимый. «Я ведь пьяный никогда не пишу», – говорил он. Около сотни первоклассных стихотворений, не считая крупных поэм, за последние два года! Сверхнапряжённая работа требовала особенно ясной головы и абсолютной чуткости каждого нерва.

В первый том он хотел добавить лирические стихотворения, а в третий том был намерен включить поэму «Пармен Крямин», насчитывающую приблизительно 500 строк. Эту поэму он читал А. Воронскому и обещал в Ленинграде доработать и выслать ему.

В Москве, работая над подготовкой материалов к изданию, перед поездкой в Ленинград, он в письме к Петру Чагину¹ пишет: «А пока – сплошь заботы по собранию. Три тома будет. В первом – лирика, во втором – «маленькие поэмы», в третьем – большие вещи. И пусть тогда кто-нибудь заикнется про «исписавшегося» Есенина. Это собрание всех поставит на место!»

С. Есенин и П. Чагин, г. Баку, сентябрь 1924 года

¹ П.И. Чагин – советский журналист, партийный и издательский работник, литературный деятель, в Баку – второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана, заместитель С.М. Кирова (в то время Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана), редактор газеты «Бакинский рабочий», близкий друг Есенина, автор предисловия к сборнику стихов Есенина «Русь Советская» (Баку, 1925). Есенинские «Персидские мотивы», написанные осенью 1924 года в Баку, имеют посвящение: «С любовью и дружбою Петру Ивановичу Чагину». Ему же посвящено стихотворение «Стансы».

«Этого собрания я желаю до нервных вздрагиваний. Вдруг помрёшь – сделают всё не так, как надо», – писал он в письме к Г. Бениславской в 1924 году, ведя речь о предполагавшемся собрании стихотворений в издательстве «Круг». Что уж говорить о трёхтомнике!

В ожидании перспективной работы и выхода Полного собрания сочинений уходить из жизни добровольно поэт не собирався. Более того, у Есенина с сёстрами был уговор: как только поэт определится с работой и жильём в Ленинграде, то к нему переедут обе сестры. Перед отъездом Есенина в Ленинград его сестра Катя 19 декабря зарегистрировала брак с В.Ф. Наседкиным, и они собирались в Ленинграде, по устройству там Есенина, отпраздновать свадьбу вместе с младшей сестрой Шурой и остаться там жить и работать.

Собраний сочинений он ждёт до нервной дрожи... И, не дождавшись, головой в петлю?..

Хотел бы покончить с собой, он бы сделал это в Москве. К тому же у Есенина был револьвер, который он привёз с Кавказа. В Ленинград он взял его с собой. (К приходу милиции в номер «Англетер» кое-что из вещей Есенина исчезло, не был найден револьвер, а также пиджак).

Вот как о Есенине вспоминал Валентин Катаев, хорошо знавший поэта: «...Он ведь был страшным саморекламщиком, поехал в Ленинград создавать литературный журнал, по дороге разным стукачам наговорил Бог знает что. А тут ещё съезд, лютая борьба сталинистов и троцкистов. Зачем ему было вешаться? Запя тогда у него не было, депрессии тоже. Наоборот, женился на внучке Толстого, как шутили тогда – «королевич сел на трон великого старца». К тому же у него был револьвер, мог бы легко застрелиться, чем лезть под потолок, куда попасть даже при большом желании не было никакой возможности. Время изменилось, революция переродалась в термидор, а он по-ребячьи выдумывал про себя всякие истории, задевая сильных мира сего, к которым он никогда не принадлежал. И вот результат: погиб в расцвете сил, не сделав и четверти того, что ему давалось легко, Божьим провидением. (...) А Есенин мог бы со временем, конечно, стать превосходным русским поэтом национальной линии. Все знают его в основном песенного...А ведь серьёзного Есенина не знают. Не

знают «Страну негодяев», где он вывел Чекистова, прообразом которого был Троцкий... Вот ведь с кем не боялся сталкиваться наш «королевич»...

По меньшей мере, глупо: человеку, бежавшему из Москвы от суда, селиться в гостинице под надзор ОГПУ, он мог пожить временно у многочисленных друзей. Но о своём приезде он не позвонил и не сообщил старым друзьям: Александру Сахарову, Иннокентию Оксёнову, Николаю Никитину.

Но зато о предстоящей поездке Есенина в Ленинград знали друзья-сексоты. Для доблестных рыцарей революции не составляло большого труда «взять» его непосредственно в квартире, где он проживал с С. Толстой, но его специально заманили в Ленинград и «взяли» на вокзале.

По лживой версии следовало, что поскольку в номере гостиницы отсутствовали чернила, то поэт перерезал себе вену, чтобы написать посмертное стихотворение, посвящённое Вольфу Эрлиху. Более достойных друзей было у него более чем достаточно. Непонятно, почему он выбрал Эрлиха, чтобы написать ему последнее в своей жизни стихотворение? Не мог быть Вольф Иосифович «в груди» у Есенина – они мало знали друг друга.

Интересно, что в номере не нашлось чернил, но ручка-то была! Сделав порезы на правой руке (хотя не был левшой), он стал макать в образовавшуюся рану перо и писать прощальные стихи. Можно представить, как правша Есенин макает перо в рану на правой руке и пишет? Не удобней ли было ему сделать порез на левой руке? К тому же разрезанную рану надо зажимать рукой, а то пока строчку напишешь, кровью изойдёшь... Да к тому же он залил бы кровью как скатерть на столе, так и свою рубашку... Есенин всегда писал карандашом, простым или химическим, и всегда носил его с собой вместе с блокнотом.

По мнению профессора, доктора философских наук Евгения Черносвитова, международного эксперта и члена криминологического совета (Любек, Германия), «необходимо графологическое, текстологическое и медико-криминалистическое исследование стихотворения, которое считается завещанием поэта – «До свиданья, друг мой, до свиданья...» Есенинское ли это стихотворение, когда оно написано, написано ли оно рукой Есенина, кровью живого или мёртвого поэта? Кстати, группа

крови Есенина известна». Сам Черносвитов, известный эксперт, также считает, что поэта убили: «Смерть С.А. Есенина – политическое убийство, за которым стоят определённые общественные силы».

По свидетельству Нины Табидзе, жены известного грузинского поэта, Есенин не раз писал стихи кровью, например, «Поэтам Грузии». Он принёс их её мужу и сказал, что не было чернил. А ей самой подарил свою книгу с «кровавым» автографом, подчёркивая глубину своих чувств. Что касается строк «До свиданья, друг мой, до свиданья...» – хорошо всем известны, но мало кто обратил внимание, что они написаны на мотив двух стихотворений из «Персидских мотивов». В одном: «До свиданья, пери, до свиданья...» В другом:

Ну, и пусть умру себе бродягой,
На земле и это нам знакомо.

Стихотворение это никак не тянет на предсмертную записку великого поэта. Мать Есенина в августе 1951 года подтвердила, что это стихотворение кровью Сергей написал в марте, и адресовалось оно другу – Алексею Ганину¹, который в те дни находился под арестом, который 30 марта 1925 года был расстрелян по «Делу русских фашистов».

Много странного связано с этим стихотворением. Лжесвидетели тогда не имели полной согласованности в действиях убийц и их укрывателей, и писали об этом по-разному. Но интересно, что Эрлих, тщеславный молодой человек, так и не прочёл этого стихотворения с того листа, на котором якобы написал Есенин. Сначала машинально он положил его в карман, а потом закрутился и забыл о нём. Кто же в это поверит? Эрлих впервые это стихотворение увидел уже напечатанным в «Красной газете», поскольку забыл его прочитать 28 декабря. Вероятно, послания тогда ещё не существовало, а было оно сфабриковано позже.

Сравнение автографа «До свиданья...» с его стихотворением «Гори, звезда моя, не падай» и другими, видно, что буквы в других его произведениях помельче, имеется разница в начертании букв Д, Н, С, О, Я. Нет мягкости и округлости букв.

¹ Алексей Ганин был первым мужем сестры Есенина – Екатерины.

Далее ещё нелепее. Перерезав себе вену, поэт не стал дожидаться смерти, а захотел ускорить её, нашёл верёвку и решил повеситься! Как Есенин смог с порезанными ладонями и другими ранами соорудить на столе сложную пирамиду и взобраться под потолок? Он ловко смастерил узел и накинул верёвку на шею. (Кстати, она обвивала горло несчастного лишь полтора раза, и не было петли). Как мог взобраться под потолок? Рост его был 168 сантиметров, а труба под потолком на высоте 4,5 метра (по другим сведениям – 3,2 метра).

Итак, исполнение суицида под потолком, на верёвке без мёртвой пели, привязанной к гладкой вертикальной трубе (и почему верёвка не съехала вместе с трупом?), а также получение в ходе всего процесса страшных повреждений лица, рук и тела – любой здравомыслящий человек найдёт большой натяжкой, не говоря уж о вытекшем глазе. Кто поверит в такое самоубийство?

У всех висельников руки вытянуты вдоль тела, а не подняты вверх, как у Есенина. Живой человек может держать руку поднятой, но когда наступает смерть, она непременно под собственной тяжестью опускается вдоль туловища. К тому же у всех повешенных имеется странгуляционная полоса фиолето-

во-багрового цвета, если он повесился сам, или бледно белая, если был уже повешен труп. У Есенина же не было никаких полос. Известно, что у висельников имеется багрово-синюшный цвет лица, что говорит о смерти от асфиксии, и высунутый язык, а под ними лужа, так как опорожняется мочевого пузыря. У Есенина было бледное лицо и под ним сухо.

Есть версия, что провод на фотографии – орудие убийства поэта. В углах рта на фото (стр. 62) видны полосы с обеих сторон, якобы следы потока слюны, но это не что иное, как пытки с использованием этого провода.

Разыскивая дело по расследованию гибели поэта, Эдуарду Хлысталову пришлось обойти архивы МВД СССР, прокуратуры, КГБ – дела нигде не было. В архиве Института мировой литературы имени М. Горького сохранилась папка с документами, которую собирала Софья Андреевна Толстая (последняя жена поэта), и в ней был акт, который приводится с сохранением стиля и знаков препинания.

АКТ О САМОУБИЙСТВЕ ЕСЕНИНА

28 декабря 1925 года составлен настоящий акт мною уч. надзирателем 2-го от. Л.Г.М. Н. Горбовым в присутствии управляющего гостиницей Интернационал¹ тов. Назарова и понятых. Согласно телефонного сообщения управляющего гостиницей гражд. Назарова В. Мих, о повесившемся гражданине в номере гостиницы. Прибыв на место мною был обнаружен висевший на трубе центрального отопления мужчина в следующем виде, шея затянута была не мёртвой петлёй, а только правой стороны шеи, лицо обращено к трубе, и кистью правой руки захватила за трубу, труп висел под самым потолком и ноги были около 1 ½ метров, около места где обнаружен повесившийся лежала опрокинутая тумба, и канделябр стоящий на ней лежал на полу. При снятии трупа с верёвки и при осмотре его было обнаружено на правой руке выше локтя с ладонной стороны порез на левой руке, на кисти царапины, под левым глазом синяк, одет в серые брюки, ночную рубашку, чёрные носки и чёрные лакированные туфли. По предъявленным документам, повесившимся ока-

¹ Гостиница «Англетер».

зался Есенин Сергей Александрович, писатель, приехавший из Москвы 24 декабря 1925 года...»

Ниже этого текста в акт было дописано: «Удостоверение за №42-8516 и доверенность на получение 640 рублей на имя Эрлиха». В качестве понятых расписались поэт Всеволод Рождественский, критик Павел Медведев, литератор Михаил Фроман. Ниже имеется подпись Вольфа Эрлиха... А почему не соседи из номеров гостиницы?

Можно ли из указанного акта заключить о самоубийстве поэта? Категорически – нет... Документ составлен на крайне низком профессиональном уровне. Он имеет повреждение в нижней части: как раз в том месте, где понятые ставили свои подписи. Вырванные края были кем-то аккуратно подрезаны ножами...

С профессиональной точки зрения документ, написанный на листе жёлто-серой бумаги без намёков на реквизиты ведомства вообще и 2-го отделения Ленинградской Губмилиции в частности, вызывает недоумение. Во-первых, Н. Горбов обязан был составить не акт, а протокол осмотра места происшествия. Во-вторых, непременно указать время осмотра, фамилии и адреса понятых, проживающих в соседних номерах жильцов гостиницы. Осмотр трупа Н. Горбов был обязан произвести с участием судебно-медицинского эксперта или, в крайнем случае, – врача. Здесь же ни о том, ни о другом – ни слова.

Участковый надзиратель фактически не осмотрел места происшествия: не зафиксировал, в каком именно углу висело тело Есенина, не отметил наличия крови на полу и письменном столе, не выяснил, чем был разрезана у трупа правая рука, откуда была взята верёвка для повешения, не описал состояния вещей погибшего, наличие денег, не приобщил к делу вещественные доказательства (верёвку, бритву, другие предметы). В своём акте Горбов не отметил «вдавленную борозду» на лбу, кровь на рубашке, исчезнувший неизвестно куда пиджак, беспорядок в комнате, окурки на полу, раскрытый чемодан и разбросанные вещи...

Наличие данных фактов говорит о том, что документ составлен непрофессионально, с нарушением уголовно-процессуальных норм!

Судя по грамматическим ошибкам, видно, что акт составлен полуграмотным человеком, а на самом деле Горбов был обра-

зованным: до революции он много лет работал на солидном петербургском Печатном Дворе наборщиком, а эта профессия, согласитесь, способствует повышению грамотности. При сравнении этого акта с другими документами, подписанными Горбовым, видно, что почерк изменён и некоторые буквы (например, прописные П и Н) написаны по-другому. Интересен и тот факт, что 40-летний участковый надзиратель Н. Горбов в своём АКТе писал «школьными» буквами с наклоном влево, а в Протоколе опроса свидетелей (В. Эрлиха, Г. Устинова, Е. Устиновой, В. Назарова) почерк стремительно летящий, характерный для людей «пишущих» профессий. Предположительно, что акт, составленный Горбовым, был переписан другим лицом, то есть сфальсифицирован без участия Горбова. Кстати, документ повреждён идентичным образом: в нижней части листа отсутствует центральный фрагмент.

Ни в акте, написанном Горбовым, ни в протоколах опроса свидетелей не упоминается, что Есенин резал руку и писал стихи кровью. Этот миф создали газетчики. Мемуары «свидетелей» при внимательном изучении представляют собой не что иное, как «коллективный труд». Все настроили их сразу по горячим следам, а издали почему-то только через полгода. В деталях они расходятся и даже противоречат друг другу. Протокол опроса В. Эрлиха (с его слов) вообще написан малограмотным человеком.

Представьте себе: обнаружен труп известного всей стране поэта. Сразу же должны примчаться лучшие Холмсы и Пуаро, судмедэксперты и другие специалисты. Но на место преступления послан участковый милиционер Н. Горбов, который составил «Акт о самоубийстве Есенина» без соблюдения установленных норм, карандашом и безграмотно.

Сейчас, спустя 90 лет, все «липовые» документы должны рассматриваться как подлог всех лжесвидетелей...

Историк и архивист А.С. Прокопенко (2005 г.) считал, что «воспоминатели» не задумывались над тем, что спустя многие десятилетия кто-то скрупулёзно проштудирует сочинения злонамеренных мемуаристов.

Указанные факты подтверждают, что к смерти С.А. Есенина, по сведениям В. Кузнецова (2005, стр. 37) были причастны силовые структуры Ленинграда. Милиция, уголовный розыск и

ОГПУ тесно сотрудничали друг с другом в деле сокрытия обстоятельств гибели Есенина. Помощник губернского прокурора Центрального района Ленинграда М.К. Вальяно (в прошлом работник ОГПУ) курировала «Дело №89». Её младший брат народный артист РСФСР Н.К. Вальяно подарил Пушкинскому дому в мае 1967 года подлинный черновой автограф стихотворения «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» Откуда он у него взялся?

Лицо мёртвого Есенина было изуродовано, обожжено, под левым глазом имелся синяк, большая рана на переносице. Имелась свежая рана на правом предплечье. Всё это требовало объяснений и принятия немедленных следственных действий. Видимо, сразу же возникло подозрение в убийстве поэта, потому что в гостиницу приезжал агент уголовного розыска 1-й бригады Ф. Иванов, занимавшийся только расследованием убийств. Эта бригада расследовала уголовные дела о тяжчайших преступлениях против личности. Однако чем занимался этот сыщик на месте происшествия, какие проводил следственные или оперативные действия, выяснить не удалось. Его подписи нет ни на одном документе.

В номере гостиницы, где находился Есенин, собрались Павел Медведев, секретарь Союза писателей Михаил Фроман и поэт Всеволод Рождественский, их пригласили выступить в качестве понятых, и они поставили свои подписи.

Из воспоминаний Вс. Рождественского:

Прямо против порога, несколько наискосок, лежало на ковре судорожно вытянутое тело. Правая рука была слегка поднята и окостенела в непривычном изгибе. Распухшее лицо было страшным – в нём ничто уже не напоминало прежнего Сергея. Только знакомая лёгкая желтизна волос по-прежнему косо закрывала лоб. Одет он был в модные, недавно разглаженные брюки. Щегольской пиджак висел тут же, на спинке стула. И мне особенно бросились в глаза узкие, раздвинутые углом носки лакированных ботинок. На маленьком плюшевом диване, за круглым столиком с графином воды сидел милиционер в туго подпоясанной шинели, водя огрызком карандаша по бумаге, писал протокол. Он словно обрадовался нашему прибытию и тотчас же заставил нас подписаться, как свидетелей. В этом сухом документе всё было сказа-

но кратко и точно, и от этого бессмысленный факт самоубийства показался мне ещё более нелепым и страшным...

То есть, висел ли поэт в петле, трое так называемых свидетелей не видели. Сейчас поздно упрекать Вс. Рождественского и остальных в необдуманности, с которой они подписали злополучный акт. Видимо, случившееся так их потрясло, что забыли о юридической стороне события...

Более того, Вс. Рождественский, в тот же день отправивший приятелю В.В. Луизову в Ростов-на-Дону письмо (оно опубликовано), указал не 5-й, в котором якобы произошло это событие, а 41-й номер. (В других источниках приводятся другие номера).

Писатели Николай Браун и Борис Лавренёв отказались подписываться под протоколом, где говорилось, что Есенин покончил с собой. Протокол был составлен неумело, примитивно. Но под ним стояли подписи сотрудников ОГПУ В. Эрлиха и П. Медведева, а также секретаря Союза писателей М. Фромана и поэта Вс. Рождественского. Кстати, архивы их всех до сих пор засекречены.

Кто же они? Медведев («медведь в очках») – критик, литературовед, педагог, приятель Вс. Рождественского, Фромана и Эрлиха. Для «посвящённых» – штатный сотрудник ЧК ГПУ, надзирающий за творческой интеллигенцией. В протоколах его имя стоит рядом с именами крупных чекистов: Мессинга, Сюненберга, Цинита, Петерсона, Ульриха и других. Именно Медведев утром 28 декабря распустил слухи о самоубийстве Есенина! В 30-е годы был уничтожен как враг народа. Фроман – зять кремлёвского фотографа Моисея Наппельбаума (о нём речь пойдёт ниже), друг Вольфа Эрлиха.

Вс. Рождественский не раз исправлял свои воспоминания о Есенине. Очевидцы удивлялись отсутствию пиджака поэта в номере, который так и не нашли, когда нужно было отправить тело поэта в Обуховскую больницу. А у Рождественского читаем: «Щеголеватый пиджак висел тут же...»

Браун упрекнул последнего: «Сева, как ты мог под этим подписаться! Ты же не видел, как Есенин петлю на себя надевал», он ответил: «Мне сказали – нужна ещё одна подпись».

В своём дневнике писатель И. Оксёнов (сам по профессии врач) пишет, что Рождественский пришёл в 5-й номер «Англетера» вместе с Б. Лавренёвым, С. Семёновым, М. Слонимским («он плакал») и другими позже его (Оксёнова) и Брауна. Спрашивается, когда же он исполнял обязанности понятого? Есть о чём поразмыслить... Кстати, этот поэт в своём стихотворении о России пишет кощунственные строки:

Былые карты разбирая,
Скажите детям: вот она.
Скажите им – была такая
Большая дикая страна.

Тут же с видом своего человека сидел Эрлих. Как преступников тянет на место преступления, так Эрлих аккуратно подшивал вырезки из газет и журналов с некрологами и статьями о Есенине, а Медведев собирал фотоальбом с жуткими снимками Есенина.

Николай Леопольдович Браун не мог в своих мемуарах рассказать правду о гибели Есенина, а рассказал её уже взрослому сыну в середине 60-х годов. Вот что рассказывает сын: «В редакцию газеты «Звезда», где были Браун и Лавренёв из «Англетера» позвонил П. Медведев, просил их придти. Они должны были увидеть Есенина мёртвым и подтвердить версию суицида. О том, что якобы Есенин покончил с жизнью самоубийством. В номере находились Медведев, Фроман и Эрлих, которые сами своими глазами ничего не видели. Тело Есенина надо было выносить. «Я взял его, уже окоченевшего, под плечи. Волосы рассыпались мне на руки. Запрокинутая голова опала. Были сломаны позвонки». Браун считал, что чекисты переусердствовали с допросом. Труп Есенина был в пыли, в волосах – песок...»

«Настоящие друзья у Есенина были в Москве, а в Ленинграде описывали встречи с ним и делились воспоминаниями сексоты Троцкого. Все они подписали «липовый» акт об обнаружении тела Сергея Есенина», – пишет Виктор Кузнецов.

Многие работники гостиницы, начиная с коменданта, после есенинской истории были уволены.

Вдова коменданта гостиницы «Англетер» Антонина Львовна Назарова рассказала, что мужу, который знал всю правду об

убийстве поэта, спустя 4 дня после гибели Есенина, дали 13-й тарифный разряд (40% надбавки к зарплате), 15 января отправили в отпуск, а через 3 месяца вышвырнули из «Англетера». В те страшные дни он по ночам жутко кричал, хватался за наган под подушкой, затем оказался в «Крестах»¹, а позже на Соловках, откуда вернулся сломленным, умер в 1941 году.

Профессор-патофизиолог Ф.А. Морохов пишет: «В доме, где живу, проживала семья старых питерцев, которые рассказывали мне, что их родители работали в гостинице «Англетер», бывшей в ведении ГПУ. Отец – кучером, а мать – уборщицей. Они рассказывали, что когда погиб Есенин, то все служащие гостиницы говорили об его убийстве. На фоне официальной версии о самоубийстве поэта все разговоры об убийстве заглохли».

Патофизиолог Морохов провёл независимое исследование и считает, что поэта убили, а в акте судмедэкспертизы А.Г. Гиляревского много подтасовок.

Но прикосновение к тайне «Англетера» дорого обошлось всем участникам этого процесса. 3 декабря 1926 года при странных обстоятельствах на могиле Есенина «покончила жизнь самоубийством» Г. Бениславская (или ей «помогли»?) Журналист Г. Устинов, выливший ушат грязи на Есенина, в своих воспоминаниях о последних часах жизни поэта, в кругу близких друзей признавался, что знает тайну смерти Есенина. Он и сам пострадал: в 1932 году его нашли в собственной квартире в петле. Видимо, его «убрали» за то, что «слишком много знал». Его личное дело до сих пор засекречено.

Погибла Е. Устинова. В 1930 году «стреляется» В. Маяковский. Ф. Иванов был осуждён к 8 годам лишения свободы и бесследно исчез в лагерях, словно канул в воду.

Кстати и следы самого участкового надзирателя пропали. Известно лишь, что Горбов Николай Михайлович, 1885 года рождения, уроженец Ленинграда, работал в милиции всего пять месяцев рядовым милиционером. Приказа о зачислении его на должность надзирателя не найдено. Известно также, что с 1922–1925 годы он был сотрудником АСО УГРО (активно-секретный отдел уголовного розыска), тесно связанном с ЧК

¹ «Кресты» – тюрьма в Ленинграде.

ОГПУ. Непростой это был участковый! 15.06.1929 года был арестован, сначала сидел в «Крестах», затем был отправлен на Соловки, а в 1931 году пропал без вести.

Жизнь спецубийцы и резидента ОГПУ Я. Блюмкина тоже оборвалась трагически: он был расстрелян 3 ноября 1929 года за личную связь с Троцким. На допросах в обмен на обещанное помилование выдал всех сообщников-троцкистов: С.А. Гарина-Гарфильда, К.Г. Аршавского, Я.Р. Ельковича, А.Я. Рубинштейн, В.И. Эрлиха и других.

Блюмкин был не только специалистом по «мокрым делам», бичом врагов мировой революции, но и настоящим профессионалом по части подделки чужого почерка (в 1918 году сумел искусно подделать подпись Ксенофонтова, секретаря Дзержинского, в фальшивом мандате ВЧК, чтобы проникнуть в Германское посольство и убить посла Мирбаха). Мастерил Блюмкин многие «липы» и фальшивки.

А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГе» пишет о том, как Блюмкин в 1925 году по заданию ГПУ, написал предсмертное письмо арестованного писателя Бориса Савинкова, который официально покончил жизнь самоубийством, выбросившись с 5-го этажа здания ВЧК на Лубянке. Или «помогли» выпасть... По мнению Солженицына, Савенкова убили.

Не дело ли рук Блюмкина опубликованное в «Красной газете» стихотворение «До свиданья...» и все подложные документы в деле Есенина?..

В. Эрлих после пятилетнего молчания в своих воспоминаниях, вышедших в 1930 году под названием «Право на песнь» кается и просит прощения у Есенина за свою вину. В своём покаянии он пишет, что «не сумел не солгать», а лгал много. На странице 32 он пишет: «Пусть он (Есенин) простит мне наибольшую вину перед ним, ту, которую он не знал, я а знаю». Но в чём состоит эта вина? Этого Эрлих так и не решился сказать. Может быть как раз то, что именно он приложил руку к убийству того, кого называл другом?

У В. Эрлиха в записной книжке был номер телефона Г. Бениславской, с которой он перезванивался, (Он был также лично знаком и с С. Толстой-Есениной). И именно Бениславская, дававшая весьма нелицеприятные характеристики друзьям из есенинского окружения, возвышала и превозносила В. Эрлиха:

«Из твоих друзей очень умный, тонкий и хороший – Эрлих. Это, конечно, не значит, что ему ничего от тебя не нужно. Но на это, что ему надо, он имеет право». (Интересно, какое-такое право могло быть у Эрлиха на Есенина?) И именно ей Эрлих после отправки тела Есенина в морг, послал телеграмму в Москву. Вот её сухой текст, как о чём-то обыденном: «Сообщите Наседкиным Сергей умер – Ерлих¹». Он уже знал от Бениславской, что Екатерина к тому времени стала Наседкиной и о том, что Есенин собирается ехать в Ленинград. После женитьбы Есенина на С. Толстой она из-за ревности была на него зла.

В 1937 году во время творческой командировки в Армению Эрлих был арестован, переправлен в Ленинград в Центральный Дом предварительного заключения, а через четыре месяца 24 ноября был расстрелян как «участник троцкистского подполья» Ленинграда. Подлинная ликвидация как главного «свидетеля» есенинского дела Эрлиха скрывалась.

Все участники процесса были уничтожены. Зачистка удивляет своей скрупулёзностью: не забыт никто!

В 1937-38 годах были также расстреляны все поэты есенинского круга: Н. Клюев, С. Клычков, П. Орешин, В. Наседкин. В эту обойму попал и 18-летний сын Есенина – Юрий – от первой гражданской жены Анны Изрядновой, зверски убита бывшая жена Есенина – Зинаида Райх², расстрелян В. Мейерхольд³, несостоявшийся постановщик есенинского произведения

¹ Эрлих – так шутливо называла его Бениславская в личных разговорах с ним, чему способствовала некая история, но мы не будем приводить её здесь, так как к Есенину она не имеет отношения.

² В апреле 1937 года она написала письмо Сталину, в котором просила о личной встрече, во время которой она расскажет всю правду о смерти Есенина и Маяковского. А летом 1939 года на Зинаиду Райх было совершено нападение: ей нанесли 8 ножевых ранений, и за преступление никто не ответил, не было даже заведено уголовное дело. Воспоминания Райх о Есенине, которые она писала, пропали после её убийства и до сих пор не найдены. «Следствие по этому «делу» велось бестолково и бессистемно», – писал сын Константин Есенин. Тайна смерти остаётся неразгаданной до сих пор.

³ Всеволод Эмильевич Мейерхольд (настоящее имя Карл Казимир Теодор Мейергольд) – советский театральный режиссёр, актёр и педагог.

«Пугачёв». В 1937 году был расстрелян В. Князев, дежуривший возле трупа Есенина в морге Обуховской больницы, написавший стихотворение:

В маленькой мертвецкой у окна
Золотая голова на плахе:
Полоса на шее не видна –
Только кровь чернеет на рубахе...

Расстелены И. Приблудный (Яков Овчаренко) и В. Пресняков, фотографировавший интерьер «Англетера».

В 1938 году погибают В. Наседкин, П. Медведев, Г. Горбачёв¹. В 1930 году внезапно умирает В. Ричиотти (Л. Турдтович). В 1940 году на операционном столе умирает М. Фроман (Фрактман), первый муж Иды Наппельбаум (дочери М. Наппельбаума), которая в январе 1951 года была репрессирована «за мужа». Была репрессирована и А. Березинь, встречающаяся с Есениным накануне гибели.

Погибла Айседора Дункан с красивой легендой: конец её китайского шарфа закрутился в колесо автомобиля, который проехал всего несколько метров, да на маленькой скорости...

Загадочных смертей ещё много, список жертв и репрессированных можно продолжить. Например, куда исчезли бывшие начальники 14-го почтово-телеграфного отделения Е.В. Кондратьев и К.Я. Трофимов – ещё предстоит изучить, но их исчезновение не случайно. Они знали о судьбе денежного перевода, посланного Есениным на адрес В. Эрлиха 24.12.1925 г. в сумме 650 рублей (в то время это целое состояние).

А гостиница «Англетер» в 1987 году от греха подальше была снесена с лица Земли, чтобы не допустить следственный эксперимент. «Погиб» немой свидетель случившейся в декабре 1925 года трагедии. Этот факт стал символом «перестройки» – символом отношений новых властей к русской культуре вообще и к Есенину в частности.

¹ Г. Горбачёв (он же Л.Г. Калмансон и Г. Лелевич) тоже фигурант есенинского дела.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ФАКТОВ УБИЙСТВА

Участковый надзиратель Н. Горбов на месте происшествия даже не снял шинели... Он заполнил протоколы допросов В. Эрлиха, Е. Устиновой, Г. Устинова и В. Назарова, которые проходили по делу как свидетели. Эти люди якобы утром пришли в гостиницу «Англетер» и стучались в номер к Есенину. Назаров в показаниях отмечал, что рано утром 28 декабря Эрлих и Устинова стучали в номер Есенина, но им не открывали. Тогда Устинова вызвала коменданта гостиницы. Он приехал, открыл дверь в номер, запертый ключом изнутри, запасным ключом и сразу ушёл, даже лично не заглянув в номер. А через две минуты Эрлих и Устинова догнали его и в ужасе сообщили, что Есенин повесился...

Заметим сразу, что Назаров не имел права открывать дверь посторонним и незнакомым ему людям и впускать их в номер, не заботясь о том, есть ли в номере постоялец и о сохранности его имущества. В дверях (судя по фото) был врезной замок, который нельзя открыть запасным ключом или отмычкой, следовательно, ключа с обратной стороны в замке не было.

Вдова коменданта гостиницы «Англетер» Антонина Львовна Назарова в 1991 году письменно заявила под видеокамеру, что её муж Василий 27 декабря 1925 года около 11 часов вечера по телефону был вызван на работу в гостиницу. Вернулся он на другой день и сказал, что повесился Есенин. Значит, наутро, 28 декабря в 6 часов, в коридоре «Англетера» перед публикой была разыграна инсценировка с открыванием Назаровым запасным ключом якобы запертого изнутри номера. Комендант успешно справился с отведённой ему ролью.

Известная фотография пятого номера гостиницы, (этот фотоснимок сделал Наппельбаум), где якобы Есенин закончил свою жизнь, поначалу не вызывала никаких вопросов, пока её не изучили с пристрастием. И также обнаружили фальсификацию. Огромная заслуга в этом С.А. Лучкиной.

Оказалось, что снимок этот есть зеркальное отражение привычной «правосторонней обстановки», то есть все предметы и вещи, и угол с трубами был не правым, а левым. На стуле висит пальто Есенина, в котором он не раз фотографировался.

При пристальном рассмотрении пальто видно, что пуговицы расположены на «женскую» сторону, чего не может быть. Значит фото – зеркальный перевёртыш. Тогда место действия со столом и трубами (две рядом) окажутся с правой стороны номера. Тогда Есенин не может висеть на одной из них так, чтобы появилась характерная рана на лбу, якобы образовавшаяся в результате прикосновения к трубе.

**Зеркально перевёрнутое фото номера 5
гостиницы «Англетер»**

Если бы самоубийство Есенина состоялось в левом углу номера, то направление раны никак не могло идти справа налево. При повешении в левом углу след ожога на лбу может совпадать по форме и направлению с трубой только в том случае, если голова поэта оказалась бы между трубами и стеной, то есть в узкой щёлке расстоянием 2-5 сантиметров спиной к стене, за трубами! Но такое положение невозможно.

Более того, для того, чтобы закрепить петлю на трубе под самым потолком, Есенину нужно было совершить прыжок на 1,5 метра в высоту и мгновенно обернуть ремень от чемодана вокруг трубы... И это ещё не все нелепости: убийцы неосмотрительно выключили свет в номере. Получается, что Есенин проделывал эти «пируэты» в полной темноте.

Из комнаты №5 можно было уйти в смежную (с балконом) комнату по лестнице через дверь, заслоненную зеркальным шкафом. По этой лестнице выносили тело Есенина во двор «Англетера» для отправки в морг. В январе 1926 года эта ниша была срочно замурована.

В своих показаниях Г. Устинов приводит слова, которые якобы слышал от судмедэксперта: «Говорят, что вскрытием установлена его мгновенная смерть от разрыва позвонков...»

А вот акт, который послужил основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. Подпись под актом – Гиляревский¹. В заключении о причинах гибели Есенина Гиляревский написал:

«На основании данных вскрытия следует заключить, что смерть Есенина наступила от асфиксии произведённой сдавливанием дыхательных путей через повешение. Вдавливание на лбу могло произойти от давления при повешении. Тёмно-фиолетовый цвет нижних конечностей, точечные на них кровоподтёки указывают на то, что покойный в повешенном состоянии находился продолжительное время.

Раны на верхних конечностях могли быть нанесены самим покойным и, как поверхностные, влияния на смерть не имели...»

В акте вскрытия тела, составленном судебным медицинским экспертом А.Г. Гиляревским, нет ни слова о разрыве позвонков. Не указано также, что Есенин покончил жизнь самоубийством. Сомнение в подлинности акта вызвано следующим:

1) Акт написан на простом листе бумаги без каких-либо реквизитов, подтверждающих принадлежность документа к медицинскому учреждению, на базе которого проводилась экспертиза. Он не имеет регистрационного номера, углового штампа, гербовой печати, подписи заведующего отделением больницы или бюро экспертиз.

2) Акт написан от руки, торопливо, со смазанными, не успевшими просохнуть чернилами. Столь важный документ

¹ Гиляревский Александр Григорьевич, 1870 года рождения, окончил в Петербурге Военно-медицинскую академию. После 1925 года его судьба неизвестна, умер в 1931 году. Его жена Вера Дмитриевна была репрессирована и пропала без вести в одном из лагерей.

(касающийся не только такого знаменитого человека, как Есенин, но и любого лица вообще) судмедэксперт обязан был составить в двух и более экземплярах. Подлинник обычно отправляется дознавателю, а копия должна остаться в делах больницы.

3) Эксперт обязан был осмотреть труп на наличие телесных повреждений и указать их причинную связь с наступлением смерти. У Есенина были многочисленные следы прежних падений. Подтвердив наличие под глазом небольшой ссадины, Гиляревский не указал механизма её образования. Не описал характер ранений глазниц и глаз. Отметил наличие на лбу вдавленной борозды длиной около 4 сантиметров и шириной полтора сантиметра, но не описал её глубину, а также не описал состояние костей черепа. Сказал, что «вдавливание на лбу могло произойти от давления при повешении», но не установил: прижизненное это повреждение или посмертное. И самое главное – не указал, могло ли это «вдавливание» вызвать смерть поэта или способствовать ей, и не образовалось ли оно от удара твёрдым предметом...

4) Выводы в акте не учитывают полной картины случившегося, в частности, ничего не говорится о потере крови погибшим.

5) Судмедэксперт отмечает, что «покойный в повешенном состоянии находился продолжительное время», а сколько часов, не указывает. По заключению Гиляревского смерть эта могла наступить и за двое суток, и за сутки до обнаружения трупа. Поэтому утверждение, что Есенин погиб 28 декабря 1925 года никем не доказано, и не должно приниматься за истину.

6) В акте ни слова не сказано об ожогах на лице поэта и о механизме их образования.

Элементарное сравнение подлинных актов (протоколов) вскрытия тел покойников доктором Гиляревским по стилю, стандарту, нумерации, почерку и т.д. доказывает ложь состряпанного кем-то «есенинского» акта. Гиляревский был медиком дореволюционной школы и хорошо знал, как в таких случаях составляются документы.

В акте судебной экспертизы записано: «Смерть наступила от 3 до 4 часов утра с 27 декабря на 28-е». Это делалось для

прикрытия В. Эрлиха, сотрудника ЧК, который считался последним, кто видел Есенина живым. В компании друзей, вечером 27-го у Есенина он был, потом все разошлись, а Эрлих якобы забыл портфель и вернулся к Есенину около 8 вечера. А затем он всю ночь провёл с известными ленинградскими писателями, снискав себе «алиби». Коль поэт умер на рассвете, то к Эрлиху вопросов у следствия нет.

Вокруг имени Есенина до сих пор не смолкает шум. Ложь, начавшаяся с акта судмедэкспертизы, который противоречит другим документам и свидетельствам, торжествует уже более 90 лет!

В акте судебной экспертизы написано: «Зрачки в норме». А в мемуарах, изданных в Париже в 1991 году, писателя Павла Лукницкого значится: «Один глаз навывкате, а другой – вытек». Далее: «Он был изуродован, на одежде следы крови. А левого глаза не было... Есенин мало был похож на себя. Лицо его при вскрытии исправили, как могли, но всё же... в верхнем углу правого глаза – желвак... и левый глаз – плоский: он вытек. Синева в лице не было: оно было бледно, и выделялись только красные пятна и потемневшие ссадины». Лукницкий был в прошлом работником ОГПУ, вёл дневники.

На фото у поэта приоткрытый рот, нет вывалившегося языка как у всех висельников. Правая рука согнута в локте, а не повисла вдоль тела. Даже если он держался за трубу, то когда наступила смерть, мышцы ослабевают и руки опускаются вдоль туловища. Значит, окоченение трупа произошло раньше, чем труп повесили. К тому же ожога ладони правой руки, которой он якобы держался за горячую трубу, не отмечено, а на лбу следы ожога есть. Нелепо.

Николай Леопольдович Браун, выносивший тело Есенина из гостиницы рассказал о травме шейных позвонков и вытекшем глазе. «Он был умучен!» – вспоминал Браун.

Василий Наседкин (муж сестры Есенина – Екатерины) вернувшись с похорон, сказал прямо: «Есенина убили. На самоубийство это не похоже... У него мозги вытекли на лоб...» (Висок был проломлен тяжёлым предметом, вытекло не менее 20 граммов мозгового вещества).

Все его раны упорно доказывают, что поэт не совершал самоубийства, а упорно отбивался от убийц.

Откуда синяк под глазом? Видевшие вечером поэта Устинова и Ушаков сообщили, что вечером синяка не было.

Лицо мёртвого Есенина было якобы обожжено трубой парового отопления. Но Эрлих писал, что вечером Есенин сидел за столом в меховом пальто. А утром милиционер Горбов, не снимая шинели, составлял акт. Значит, в номере было холодно, гостиница не отапливалась, и обжечься о трубу Есенин не мог.

Ни у Горбова, ни у Гиляревского в Актах ни слова об ожоге трубой парового отопления. Очевидцы указывали на бледный цвет лица Есенина, вынутаго из петли. У висельников оно багрово-синюшного цвета.

Куда из номера исчез его пиджак?

На фото видны два отверстия от огнестрельных ранений с близкой дистанции: первый – в область правой глазницы, под правую надбровную дугу, и в область правой ушной раковины. Эти выстрелы сделаны не в номере гостиницы, иначе бы были услышаны. И сделаны не Есениным: самоубийцы приставляют оружие к виску. Гиляревский в акте промолчал не только о следах огнестрельных ранений, но и о сильном избиении поэта.

И Горбов, и Гиляревский свои первичные дознание и обследование провели неполно, неточно, формально, небрежно.

Форма повреждения на обоих листах Акта (в нижней его части) полностью совпадает с формой выдранного фрагмента Акта Н. Горбова. Второй лист Акта вскрытия тела Есенина, содержащий главную часть документа – заключение – потерпел ещё большее надругательство: от него попросту отрезали половину листа. Видимо, информация, содержащаяся в нём, не предназначалась даже для секретного хранения.

Страшно, что всю страну заставляют верить этим рваным писулькам и фальсифицированным клочкам бумаги в течение 90 лет!

В материалах дознания (в деле Есенина) имеется любопытный документ, мало что говорящий постороннему лицу, но много проясняющий практическому работнику правоохранительных органов. В архивах найдена выписка о регистрации смерти С.А. Есенина, выданная 29 декабря 1925 года в столе ЗАГСа Московско-Нарвского Совета, где в графе «причина смерти» указано: «самоубийство, повешение», а в графе «фамилия врача» записано: «Врач судмедэксперт №1017». Следовательно, 29 декабря в ЗАГС было предъявлено медицинское заключение Гиляревского под номером 1017, а то, что было приобщено к делу – без номера и других атрибуций. Следует иметь в виду, что ЗАГС без надлежащего оформления акта о смерти не выдаст. Значит, было два заключения о трагической гибели С.А. Есенина. Известный вариант заключения был куда удобен для отказа в возбуждении уголовного дела против убийц. К тому же, при сравнении этого акта с другими его же актами заметны разница в терминологиях, стиле, и форме «дезы», что наводит на мысль о фальсификации.

Кстати родственники Есенина не знали даже фамилии Гиляревского, а выданная им справка (где фамилия Гиляревского даже не упоминается) была вручена Зинаиде Райх, бывшей жене Есенина, которая была ей нужна для суда о наследовании права на есенинские гонорары.

«Свидетельство о смерти» Есенина оформлял Эрлих в ЗАГСе Московско-Нарвского района, хотя территориально «Англетер» относилась к Центральному району. Это ещё одно доказательство подтасовки. Так что зав. столом ЗАГСа К.Н. Трифонова, несомненно, совершила подлог. В Московско-Нарвском районе тон задавали сторонники Г.Е. Зиновьева, а

райкомом партии руководил воинствующий троцкист Д. Саркис. Понятно, почему Эрлих получил «Свидетельство о смерти» Есенина здесь, а не Центральном районе, тут были все свои.

Заметьте, снимать мёртвого поэта не приглашали медэксперта и фотографа-криминалиста из ближайшего отделения милиции, а пригласили мастера ретуши и фотографа, известного советского портретиста из Москвы Моисея Наппельбаума, чтобы к делу подшить уже отретушированные снимки покойного Есенина. По каким-то причинам в номере «Англетера» понадобилась сила искусства, а не сила закона.

Художник и поэт Василий Сварог (В.С. Корочкин), автор посмертного рисунка Сергея Есенина, сделанного с натуры, в своих воспоминаниях написал, что труп Есенина был весь в пыли и мельчайших соринках, на брюках и в волосах песок. Сложилось впечатление, что он был принесён в номер «Англетера» явно с допроса, завёрнутым в ковёр.

Посмертный рисунок Сварога 28.12.1925 г.

Глядя на этот рисунок, у любого нормального человека возникают такие вопросы:

1. Почему труп Есенина застыл с поднятой рукой и скрещёнными ногами? Закрытый перелом левой ноги?

2. Почему разорван пиджак и почему он потом исчез? Возможно, он был в крови, поэтому мог послужить уликой насильственной смерти.

3. Почему расстёгнуты брюки и разодрана рубашка?

В этот период Есенин находился под следствием (13 спровоцированных тогдашней Лубянкой уголовных дел). Даже на

просьбу наркомпроса Луначарского прекратить преследование Есенина московский судья Липкин ответил, что на этот раз приговор будет исполнен! Он был замаскирован под самоубийство, чтобы снять подозрение с исполнителей. По мнению Василия Сварога, Есенин приехал в Ленинград жить, а не заканчивать жизнь самоубийством. У него было огромное желание увидеть первый том своих сочинений, подготовленный к печати, а в ближайшее время – выступление с чтением своих стихов. Сварог был виртуозным гитаристом, у них с Есениным был опыт совместных выступлений, они заранее сговорились о вечере мелодекламации, где Сварог сопровождал бы игрой на гитаре чтение Есениным своих стихов.

На другом рисунке Сварога, где он зарисовал номер, в котором обнаружен труп Есенина, был стол, на котором, вопреки досужим вымыслам, стояла чернильница(!). И даже на фото М. Наппельбаума имеется эта чернильница, которую Есенин ночью, вешаясь в полной темноте, завязывая узел в прыжке на 2,9 метра, не свалил...

Внешность Есенина трижды «приводилась в порядок». Без «макияжа» его могли видеть только сотрудники ОГПУ и Моисей Наппельбаум с сыном Львом. Первый грим на лицо Есенина был наложен в «Англетере» незадолго до прихода писателей. Второй – в морге Обуховской больницы, третий – перед прощанием в Союзе писателей на Фонтанке, 50. Многих ран и царапин уже не было видно.

Николай Браун дважды выносил тело Есенина: вначале из «Англетера» – под плечи, затем в гробу – из Союза писателей. Он заметил большие изменения во внешности убитого. А в Москве, в Доме печати, как вспоминала писательница Галина Серебрякова, уже лежала «нарумяненная кукла» без каких-либо повреждений. Есенин был не похож не только на убитого, но и на самоубийцу. Сын покойного, Александр Есенин-Вольпин, удивлялся: «Как же так, тысячи человек видели отца и ничего не заметили!» Он был уверен в том, Есенин был задушен.

Толпы людей пришли проводить поэта в последний путь. Трижды гроб Есенина обнесли вокруг бронзового изваяния А.С. Пушкина. Виктор Манулов писал: «О Ленине, говорят, так не жалели...»

Поэт был похоронен 31 января на Ваганьковском кладбище в Москве.

Прощание с поэтом в московском Доме печати

На следующий день после официальной даты смерти Есенина 29 декабря 1925 года, ленинградская «Красная газета» опубликовала статью Бориса Лавренёва «Памяти Есенина». Она имела подзаголовок: «Казнённый дегенератами». И эпиграф: «И вы не смоете всей вашей чёрной кровью поэта праведную кровь». Лавренёв писал: «...Мы разошлись с Сергеем в 18 году – слишком разنو легли наши дороги. Но я любил этого казненного дегенератами мальчика искренне и болезненно». А завершалась статья так: «И мой нравственный долг приписывает мне сказать раз в жизни обнажённую правду и назвать палачей и убийц палачами и убийцами, чёрная кровь которых не смоет кровавого пятна на рубашке замученного поэта». (Ленинград, «Красная газета», 1925 г. 30 декабря, вечерний выпуск).

Б. Лавренёв написал также записку в «Красную газету», в которой он прямо говорит об убийстве Есенина и Маяковского, но информация не была отправлена в редакцию.

«Все мы его современники – виноваты более или менее, – писал А.В. Луначарский. – Это был драгоценный человек. Надо было крепче биться за него. Надо было более по-братски помочь ему».

Похороны С.А. Есенина в Москве

«Мы потеряли великого русского поэта...» – писал Максим Горький, потрясённый трагическим известием.

Об убийстве Есенина стали говорить сразу. Но после некролога Троцкого были прекращены расследования гибели поэта и публикации в печати материалов об этой трагедии. Началась усиленная пропаганда версии о его самоубийстве и навешивание разных ярлыков, легенд и вымыслов.

Н. Бухарин в «Злых заметках», опубликованных в газете «Правда» в январе 1927 года, написал злую неправду, извращающую сущность творчества поэта, ввёл в обиход определение «есенинщина». Указом Сосновского, ведавшего издательскими делами, было запрещено издание произведений Есенина. Нарком просвещения Луначарский, выступая перед учителями, дал установку: «...Мы должны сказать, что с самого начала Есенин по существу не представлял собой той первой-классной величины, того, так сказать, сокровища общеизвестного, каким его пытались сделать... Меркнет и его талант, меркнет, как потухшая лампа, в которой нет керосина».

Комиссариат просвещения запретил изучение Есенина и его творческого наследия в школе. Был закрыт музей Есенина в Москве, созданный по инициативе его жены С.А. Толстой в 1926 году.

ЛОЖЬ О САМОУБИЙСТВЕ ПОЭТА

Надо сказать, что ни вечерние 28-го, ни утренние газеты 29 декабря о трагедии в «Англетере» не написали ни строчки, хотя о случившемся говорил весь Ленинград. Но зато уж в вечерних газетах этого дня журналисты объявили о самоубийстве поэта. Видимо, они ждали команды властей, а когда получили «добро», наперебой стали придумывать детали гибели Есенина. Особым вниманием редакторов и издателей пользовались воспоминания друзей, знакомых, очевидцев, в которых те с упоением повествовали о пьяных куражах Есенина, о прежних покушениях на самоубийство, о лечении в психиатрических больницах. Упорно и методично формировали в народе убеждение, что он пьяница, дебошир, шизофреник, которому ничего не оставалось, как повеситься.

Рюрик Ивнев

Есенин никогда не был пьяницей. Ивнев Рюрик Александрович¹ – друг Есенина – говорил: «Самый непьющий из нас был Есенин. Но самый легко возбуждаемый. Порой собирались читать друг другу стихи, наливаем кружки, а он свою под стол выплеснет. Бывало, что за год ни одной рюмки не выпьет.

Он написал 4 тома своих стихотворений за 14 лет. Когда ему пить, если на написание одного стихотворения уходит неделя, чтобы править и доводить до конца любое стихотворение?

Есенин написал мне в записке: «Если я выпью глоток, то 2-3 дня не прикасаюсь к стихам». В своих воспоминаниях об очередной встрече, Рюрик Ивнев пишет: «Второй год Есенин не пьёт. Мы с ним часа четыре проговорили, рюмка его так и стояла нетронутой».

¹ Рюрик Ивнев – Михаил Александрович Ковалёв – поэт, прозаик, переводчик, мемуарист.

В письме к Г. Бениславской в 1924 году Есенин пишет: «Назло всем не буду пить, как раньше... Вообще всех хочу привести в недоумение. Уж очень мне не нравится, как обо мне думают... Всё это было прощание с молодостью. Теперь будет не так».

У Гиляревского в акте отмечено: «Печень в норме». А ведь если бы Есенин был хроническим алкоголиком, то изменения в печени были бы видны и отмечены экспертом.

Иноверцы взяли в плен всю Россию. Есенин же взошёл на голгофу за любимую свою Родину. Но открыто его убивать временщики не посмели. Понадобилась грязная провокация. Так возникла фальсификация XX века. Многие воспоминания – блеф, написанные лжесвидетелями, то бишь кадровыми сотрудниками ОГПУ. Видна круговая порука мифа о самоубийстве поэта. Все фальсификации сработаны топорно-грубо, далеки от логики. Заказные статьи писали Н.А. Брыкин, Сусанна Мар, М. Борисоглебский (Шаталин). В.И. Вольпин и другие. Враньё даже несогласованное: лгут, не удосужась прочесть, что уже написано. Например, писатель Брыкин изобразил «самоубийцу» обутом в сапоги, хотя он был в туфлях.

П. Мансуров в своём письме к О.И. Ресневич-Синорелли, неумно и грязно фантазируя, описывает пирушку в номере «Англетера» у Есенина накануне его гибели (Эрлих лгал иначе). Кошунство мемуариста доходит до того, что отправку тела «самоубийцы» в Обуховскую больницу он сопровождает жутковатой деталью: «Сани были такие короткие, что голова его ударялась по мокрой мостовой». Иннокентий Оксёнов в своём дневнике писал: «Лежал Есенин на дровнях головой вперёд...» Далее Мансуров выдаёт: «За день до самоубийства Есенин шёл по улице с таким отрешённым лицом, что встретившийся на его пути мальчик, увидев поэта, закричал от страха». Какая буйная фантазия у мемуариста!

После гибели поэта за два года, если собрать все антиесенинские публикации, получится несколько томов злобы, замешанной на зоологическом неприятии русской культуры.

Все его, так называемые, собратья по поэтическому цеху – дети Серебряного века – по большому счёту завидовали ему. Упряжняясь в словоблудии, томясь «греховной жаждой», они

пытались лишь выразить своё «я» и страшно завидовали Есенину, народной любви к нему.

Александр Блок после знакомства с есениным, 9 марта 1915 года, сделал запись: «Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные».

24 апреля 1915 года Есенин писал Н. Клюеву: «Стихи у меня в Питере прошли успешно. Из 60 приняли 51. Взяли «Северные записки», «Русская мысль», «Ежемесячный журнал» и др. (...) Осенью Городецкий выпускает мою книгу «Радуница».

Рюрик Ивнев писал: «Литературная летопись не отмечала более быстрого и лёгкого вхождения в литературу. Всеобщее признание совершилось в какие-нибудь несколько недель».

О Есенине говорили и писали как о чуде, «нечаянной радости». Всем казалось, что нежданно-негаданно, точно в сказке, в Петрограде появился сверхталантливый деревенский поэт.

Однако некоторые петроградские литераторы – М. Кузмин, Г. Иванов, Г. Адамович, Н. Гумилёв, А. Ахматова – говорили о Есенине довольно холодно.

При всём своём уме, пронизательности и чувстве времени Ахматова, видимо, из-за уязвившей её душу зависти «не заметила», что Есенина к середине XX века «выдвинула» сама История. Г.А. Свиридов писал: «В лютых бедствиях, в окопах войны, в лагерях и тюрьмах, в изгнании на чужбине народ пронёс с собой Есенина, его стихи, его душу. Не славе Есенина завидуют Маяковский, Пастернак, Цветаева и многие другие поэты, а **народной любви к нему**, так же, как Сальери завидует не славе и не гениальности Моцарта, а любви к его мелодиям слепого скрипача и трактирной публики. Вот ведь в чём соль! Завидуют, говоря затрёпанным без нужды словом, его народности».

А зависть надо заслужить!

Вот как вспоминала в 30-х годах о поэте Анна Ахматова: «...он плохой поэт. Он местами совершенно неграмотен (...) В нём ничего нет – совсем небольшой поэт. Иногда в нём есть задор, но какой пошлый! (...) Пошлость. Ни одной мысли не видно... И потом такая чёрная злоба. Зависть. Он всем завидует».

А между тем Есенин был образованнейший человек, ему до сих пор нет равных. Шестнадцати лет он ушёл из дома и через четырнадцать лет вошёл в бессмертие. За четырнадцать лет он создал такие могучие полотна, как «Русь Советская», «Русь уходящая». «Двадцать шесть», «Поэма о 36», «Пугачёв», «Анна Снегина», «Страна негодяев», «Чёрный человек» и другие произведения – 4 тома!

При задержании Есенина у поэта были изъяты все бумаги, незаконченное произведение «Пармен Крямин», начало второй части «Страны негодяев», где действие происходит в Америке, и около 20 новых стихотворений о «зимних пейзажах». Накануне поэт в кругу друзей на память читал до 15 новых лирических стихов. Они исчезли бесследно. Не обнаружено также и его повести о беспризорниках (в трёх томах) под названием «Когда я был мальчишкой...», о которой он рассказывал друзьям. Исчез текст поэмы «Гуляй-поле». С. Толстая и В. Наседкин утверждали, что поэт перед отъездом читал им свои стихи «зимнего цикла», которые он взял с собой в Ленинград, как и названные поэмы.

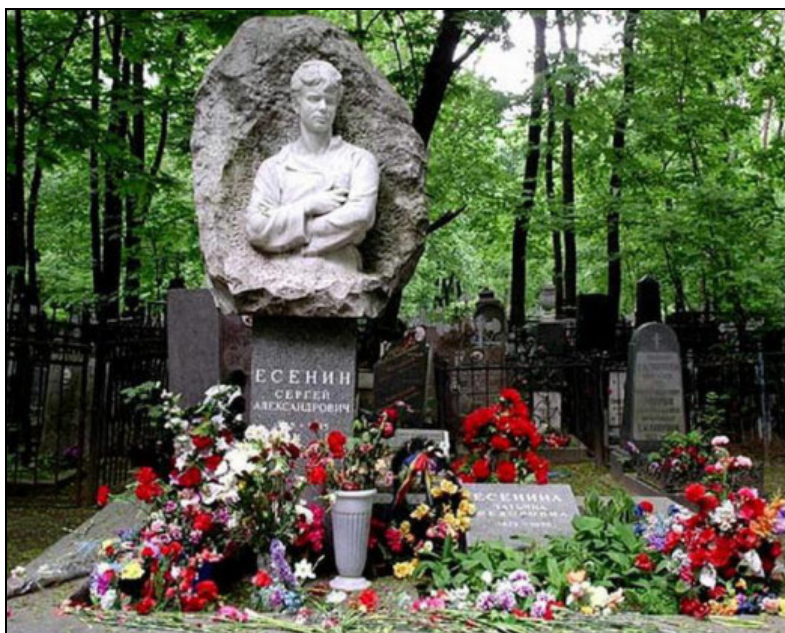
Георгий Иванов в 1950 году писал: «Не сомневаюсь, что нашлась бы площадь и всё остальное для Есенина, если бы за ним числились только грехи, совершённые им при жизни... Но у Есенина перед Советской властью и другой непростительный грех – грех посмертный... Из могилы Есенин делает то, что не удалось за тридцать лет никому из живых: объединяет русских людей звуком русской песни, где сознание общей вины и общего братства сливаются в общую надежду на освобождение. Оттого так и стараются большевики внушить гражданам СССР, что Есенина не за что любить. Оттого-то и объявлен он несозвучным эпохе».

Критик Иванов-Разумник считал Есенина «последним большим поэтом, появившемся на рубеже золотого и серебряного веков нашей поэзии».

Он был пророчеством. Его стихи – пророчества.

Но самое грустное в этой истории то, что эксгумация тела поэта с целью подтверждения его насильственной смерти сегодня невозможна, потому что гроба Есенина в могиле нет. Обнаружилось это когда хоронили мать Есенина, Татьяну Фёдо-

ровну. Вскрыли могилу и обнаружили в ней три гроба, но Есенина не было. Сестра Шура помнила гроб брата. В официальном письме от 4 января 1994 года племянницы Есенина – Светланы Петровны Митрофановой, дочери сестры Шуры, – и её сына в комиссию Всероссийского комитета по выяснению обстоятельств смерти Есенина сказано, что гроб матери поэта оказался не над могилой сына, а рядом с неизвестными останками... Письмо это комиссией опубликовано.

**г. Москва, Ваганьковское кладбище, могила С. Есенина
(скульптор А.А. Бичуков. 1986 г.)**

Впрочем, нашёлся человек, заявивший, что Есенина перезахоронили в дальней части Ваганьковского кладбища. В 1983 году свидетель, шофёр ОГПУ Снегирёв сказал, что «вынули гроб и передали его другой группе, которая унесла его в глубь кладбища. А сами остались приводить могилу в порядок. Это было 1 января 1926 года, на следующий день после похорон». Родственники обращались по поводу эксгумации тела, но ФСБ разрешения на эксгумацию и проведение экспертизы не дало.

Точное место могилы Есенина теперь установить будет нелегко. Хотя современным металлоискателем можно обнаружить четыре бронзовых ручки у гроба...

В наших СМИ до сих пор тиражируется образ Есенина как пьяницы, забияке, повесе. Оклеветали – дебошир, скандалист, алкоголик, бабник, да к тому же – психически больной.

Гнусная ложь о самоубийстве поэта продолжается и в настоящее время. Все современные книги, говорящие о самоубийстве поэта – бездоказательны. Это – заказуха, специально в пику всё новым (с доказательствами) открывшимся фактам умышленного убийства поэта.

С завидным постоянством выходят в свет книги и брошюры, содержащие клевету на всемирно известного великого русского поэта: стихи Есенина при жизни переводились в 20 странах!

Составителям же книг добровольных лжесвидетелей и в голову не приходит, что они выступают пособниками продолжающегося морального убийства певца России.

Так то, если вам, дорогие читатели, попадётся в руки книга или брошюра, в которой утверждается, что Есенин покончил жизнь самоубийством, поскольку был горьким пьяницей и психически неуравновешенной личностью, то знайте, что эта писанина заказная. Ведь тем самым людям, отцы и родственники которых травили и в итоге убили Есенина, до сего дня нужна эта фальшь, а поэтому до сих пор не снята печать секретности на документах о смерти Есенина, многие до сих пор находятся в секретных архивах и исследователям не выдаются. Это говорит лишь о том, что ещё живы потомки тех, фамилии которых фигурируют в качестве убийц поэта. Поэтому эти современные мариенгофы, их внуки и правнуки, занимая высокие должности до настоящего времени держат эти документы под замком.

Все попытки как Эдуарда Хлысталова, так и других следователей довести расследование преступления до конца наталкивались на сопротивление соответствующих ведомств – допуска к архивным материалам им не дают до сих пор.

Покров тайны над трагическими событиями до конца не рассеян. Против поэта России было совершено преступление, но никто до сих пор не понёс за него наказания.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЦОВ

ТАЙНА ГИБЕЛИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Наверное, не активизировалась бы столь ярко тема гибели поэта Рубцова, если бы не участвовавшие публикации статей в разного рода СМИ об обеливании имени его убийцы. Причём настолько нагло и подло, игнорируя противоречия и несоответствия в её речах, что диву даёшься. Но, слава Богу, что многие друзья поэта ещё живы и сохранились написанные очевидцами воспоминания, которые позволяют узнать правду из первых уст.

«ЛЮБЛЮ ВОЛКОВ...» ИЛИ ПОРТРЕТ УБИЙЦЫ

В книге «Русская душа. Сборник поэзии и прозы современных писательниц русской провинции», редактором-составителем которой значится Г.Г. Скворцова-Акбулатова (издательство Verlag F.K. Goupfert-Wilhelmshorst, 1995), одним из авторов является поэтесса Людмила Дербина (Грановская) – убийца русского поэта Николая Рубцова. В своей биографии, представленной в этом германском издании, Дербина пишет:

«Крушина»¹ вышла спустя 23 года в 1994 году, уже дополненная стихами, которые я всё-таки не переставала писать. Под камнепадом хулы, поношений важно было выстоять, не сломаться, не потерять себя. С божьей помощью мне это удалось...»

«Поэтесса» совершила дьявольский поступок: убила человека, и пишет «с божьей помощью», это ли не кощунство!? Не «с божьей помощью», а с сатанинской: дух сатаны царствует в её стихах. Рассмотрим некоторые её строки:

Когда-нибудь в пылу азарта
Взовьюсь я ведьмой из трубы...

И ещё:

Я знала – ты любишь меня
и силой возьмёшь мою душу,
что это и есть западня²,
и то, что её я разрушу!
Но там, под осенней луной,
при лёгком головокруженьи
мятеж назревающий мой
ещё не казался крушеньем.
Лишь где-то в крещенские дни
запели прощальные хоры.
и я у своей западни
смела все замки и запоры!

¹ «Крушина» – сборник стихов Л. Дербининой.

² Здесь и далее везде подчёркнуто автором – Л. Чирковой.

Видно, что Рубцов пытался спасти её душу, не подозревая о том, что она и не хотела спастись от гордыни, от зависти, от злости к ближним.

Как быстро кончалось знакомство,
когда в моих рысьих глазах
природное непокорство
внушало знакомому страх.
Откуда я знала, откуда
что встретится мне идиот...

Мужчины, видя в её рысьих глазах «природное непокорство», бежали от неё сломя голову, и быстро кончалось знакомство. К сожалению, зная свойства характера Дербиной, Рубцов не смог долго противостоять им.

Но был безумец... Мною увлечённый,
он видел бездну, знал, что погублю...

Здесь не прибавить, не убавить к сказанному убийцей. Она знала заранее, что погубит Поэта.

Прошедшие без катастрофы,
мой час возвыситься настал.
Не сомневайтесь, крест Голгофы
весьма надёжный пьедестал!

Христос нёс крест на Голгофу во имя спасения людей. А Дербина убила русского человека и гениального народного поэта, считая, что принесла крест на Голгофу, как «надёжный пьедестал», чтобы прыгнуть с него в поэтическую элиту.

В одном из своих стихов «поэтесса» пишет:

Люблю волков за их клыки во рту,
За то, что их никто уже не любит...

...

Вся грузная, бояться буду драки,
Я всё ж оскалю острые клыки,
Когда за мной погонятся собаки...

...

Я глотки их успею перервать...

И далее снова ассоциация себя с волчицей:

Волчица я. Ты понял слишком поздно.

Какая надвигается гроза.

В твои глаза в упор глядят не звёзды,

А раскалённые мои глаза.

Железной шерстью дыбится затылок,

И нет сомненья ни в одном глазу.

Как я свою соперницу игриво,

Почуяв, загоню и загрызу.

Тут сказано всё для понимания психологии Дербиной. В своих стихах она называла себя «ведьмой» и «сатаной»: «И дух бунтарский сатаны во мне, как прежде, остаётся». Даже друзья Дербиной говорили о ней: «Вспыльчива, неуступчива, яра». Православной терпимости и доброты в её стихах нет.

Подчёркивая в стихах свою животную сущность, Дербина пишет: «Опять весна! Звериным нюхом я вдруг почувяла апрель», «Я, как медведица рычу», «Как лесная огромная кошка, у которой звериная прыть», «Тебе, любимый, до скончанья дней хочу быть верной, как волчица волку», «Язычница, дикарка, зверолов, ловка, как рысь, инстинкту лишь послушна», «Всей звериной тоской Зодиака и моя переполнена грудь», и прочие.

Все звериные клички дала она сама себе: рысь, волчица, медведица и другие.

Ради горькой моей славы

Люди имя моё узнали.

Я – чудовище! Полулошадь!

А чтобы понять, насколько Рубцов и Дербина были разные, даже противоположные люди, достаточно сравнить их стихи, касающиеся души.

У Рубцова:

До конца, до смертного креста

Я клянусь, душа моя чиста.

У Дербиной:

В душе таинственной и тёмной

Вовеки не увидеть дна,

Душа, что кажется бездонной,

До глубины своей темна.

Рубцовское чувство – доверчивое, безыскусное, просто-душно. Почти детское. А у Дербиной – тёмное, волевое, эгоистичное, хищное.

По мнению друзей Рубцова, это были два антипода: психологическая и идеологическая несовместимость. Они были разные как по комплекции (он весил 60 килограммов, она – более 80), так и по характеру. По Вологде ходили слухи:

- Ну, Колька себе и бабу выбрал!
- Выбрал? Это же она сама...

В письме к Дербиной Рубцов писал: «У тебя непростой и далеко не ангельский характер, а вспыльчивость и необузданность частенько ошеломляли даже меня, которому пришлось повидать всякого: а возбудить к действию таких порывистых и деятельных женских натур очень нетрудно. К тому же тебе постоянно кажется, что ты в чём-то обойдена, тебе не додано по заслугам...»

Друг Рубцова, С.Ю. Куняев пишет в своей книге «Любовь, исполненная зла...», что он верит не тому, что поэты говорят в своих интервью, на телевизионных подмостках, в гневных письмах и мемуарах, а тому, что они говорят в стихах. Так вот, Дербина говорила и мечтала не о ЗАГСе, не о судьбе дочери, а о безраздельной власти над своим избранником.

Встретились Рубцов и Дербина в начале 60-х годов, во время его учёбы в Литературном институте. Дербина приехала в Москву и быстро познакомилась со своими единокровками.

В фильме о Дербиной В. Ермакова «Замысел», куда он вставил фрагмент фильма М. Хуциева «Мне двадцать лет» есть сцена литературного вечера в Политехническом музее в Москве, где в кадрах то и дело мелькают лица молодых тогда Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы... На сцену выскакивает под аплодисменты зрительного зала молодая Дербина и объявляет о выступлении Вознесенского. Это была её первая публичная «засветка», как «своего человека». Но как она оказалась в зале Политехнического музея? Случайно? Тогда это было невозможно без специального приглашения. И кто пригласил её? Тот, кому она в порыве ревности обещала испортить его блистательную судьбу?

Известные поэты-«шестидесятники», или «громкие» лирики – Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Ахмадулина и другие по большому счёту не любили русского национального поэта, и Рубцов в принципе повторил судьбу своего кумира. Его тоже подставляли, как и Есенина, неоднократно подстраивали ему «сдачу в милицию», «вставляли палки в колёса» и всеми силами добивались исключения его из института.

Однако, преодолев все трудности на своём пути, он окончил Литературный институт и стал членом Союза писателей.

Названные «громкими» лириками поэты были приближены к власти, воспевали вождей и великие стройки страны, пользовались привилегиями, ездили по «заграницам» (Евтушенко побывал в 94 странах мира), имели квартиры и машины, в отличие от бедного Рубцова, вечно полуголодного, в деревенской сильно изношенной одежде без своего угля.

По словам Дербиной, она познакомилась с Рубцовым 3 мая 1963 года в Москве, в общежитии Литературного института им. А.М. Горького. Знакомство было мимолётным и продолжения не имело. Молодой начинающей поэтессе Рубцов тогда не понравился: небольшого роста, неказистого деревенского вида, с лысиной, в непрезентабельной одежде, без интеллигентного лоска. Впрочем, и она на него не произвела впечатления, и исчезла из его жизни на несколько лет.

Появилась «поэтесса» вновь в жизни вологодского поэта в 1969 году (по её словам), после того, как у него вышла в свет книга стихов «Звезда полей». Тут у Дербиной (по мужу – Грановская) появилась идея – разыскать Рубцова и через него пробиться на поэтический Олимп. Она выехала из Воронежа, где жила в то время, бросив мужа и дочку, прикатила в Вологду, пришла в квартиру Рубцова, «чтобы поклониться ему за поэтический дар». Конечно же, она использовала все свои женские чары, и неприкаянный, неизбалованный женским вниманием Рубцов попался на ловко закинутую удочку. Так начался их гибельный роман.

Творчество Рубцова она не ценила, считая себя лучшей, по сравнению с ним, поэтессой. Гордыня одолевала её. «По сравнению со мной в поэзии Рубцов был мальчишкой!», – сказала она в телефонном звонке Николаю Коняеву.

У Рубцова и Дербиной была психологическая и идеологическая несовместимость. Она понимала, что Рубцов ей не уступит, и часто меняла тактику борьбы, но не сдавалась, пока не добилась своего.

Мало-помалу, шаг за шагом дерзкая «поэтесса» шла к заветной цели: втёрлась в доверие, нахрапом ввалилась в его жильё (поэт, наконец-то, после долгих скитаний получил однокомнатную квартиру). Успевшей побывать замужем и родить дочку, Дербиной представился случай обосноваться в Вологде.

Но не только возможность пробить публикацию своих стихов, вступить с Союз писателей, прописаться в городе в квартире Рубцова на правах жены, а и меркантильный интерес был у Дербиной. Ведь накануне Поэт получил за свою книгу «Звезда полей» огромный по тем временам гонорар – 1000 рублей (прожиточный минимум в то время составлял 70 рублей в месяц, а средняя зарплата по стране составляла 170 рублей, на 50 рублей можно было съездить отдохнуть в Крым на три недели).

Деньги были положены на сберкнижку 15 августа 1970 года, и тут же началось снятие их по 100-200 рублей, к 23 декабря этих денег уже не было, на книжке оставались 5 рублей, но они поэту уже не понадобились.

Никогда не любившая Рубцова (ни как мужчину, ни как поэта – по её же признанию) Дербина исключительно из корыстных побуждений подбивает Рубцова на брак. В начале января 1971 года они подают заявление в ЗАГС и по существующему в ту пору закону им дают время на размышление и назначают регистрацию на 19 февраля. А через несколько дней, ровно за месяц, 19 января, на православный праздник «Крещение Господне» «невеста» убивает «жениха»...

БЕЗ СВИДЕТЕЛЕЙ

Трагедия произошла в однокомнатной квартире Рубцова, на 5-м этаже пятиэтажного дома по адресу: улица Яшина, д. 3, кв. 66. В ту роковую ночь они были вдвоём (?). Как произошло убийство – мы, вероятно, никогда не узнаем правды: поэт мёртв, а убийца запуталась во лжи. Такая наглая и подлая фальшь удивила и обескуражила всех, кто знал Рубцова, и в первую очередь его друзей.

Дом, где произошла трагедия. Угловая квартира на 5-м этаже

Вернувшись из гостей поздно вечером, «молодые» провели оставшийся вечер с гостями-журналистами (А. Третьяков, А. Кузнецов, Н. Задумкин, Б. Лапин) и когда проводили последнего в 11 часов ночи, то крупно повздорили. С её слов, поэт приревновал подругу к одному из гостей и устроил ей скандал. Надо сказать, что она неоднократно провоцировала его на скандалы, вела себя фривольно с мужчинами. Но у Рубцова была другая мораль – совершенно противоположная. Он хотел видеть рядом с собой верную и порядочную женщину, которая

могла бы навести в доме уют и сварить обед, на что она ответила на суде: «Я – поэтесса Дербина. Он принижал меня как поэтессу, заставлял готовить, убирать», чего она делать не хотела, и по её словам, это унижало её, как «поэтессу».

Так или иначе, но разгорелся очередной скандал.

По горячим следам убийца в тот же день на первом допросе призналась, что задушила Рубцова. Во время потасовки «...схватила его за горло и стала давить. Мне было безразлично, что будет дальше, – записано в протоколе допроса. – Я сильно давила Рубцова, пока он не посинел, и после этого отпустила его. Подняла тряпки с пола, вымыла руки и пошла в милицию...»

Через 10 дней, 29 января, на допросе в качестве обвиняемой Дербина мотивы своего поступка дополнила новым: «Ненависть, копившаяся длительный период времени, вылилась наружу».

Из протокола допросов:

Вопрос: Когда Вы душили Рубцова, то отрывали всю руку от его горла или нет?

Ответ: Я один раз отрывала руку, а затем снова схватила за горло. Горло у Рубцова было каким-то дряблым. Я давила Рубцова, то ослабляла силу нажима, то усиливая его.

Из судебно-психиатрической экспертизы:

«...сам характер убийства, множественные ссадины на горле Рубцова свидетельствуют о том, что подозреваемая Грановская как бы рвала горло Рубцова руками...»

...В беседе держится высокомерно с некоторой переоценкой собственной личности. В поведении элементы театральности. Эмоционально мобильная, обидчива. На вопросы, касающиеся убийства, отвечает с нескрываемым волнением. То на глаза навёртываются слёзы, то переходит к улыбке. Очень подробно, с мельчайшими деталями воспроизводит все моменты совершённого деяния».

Актом судебно-медицинской экспертизы установлено, что «смерть гражданина Рубцова насильственная, последовавшая в результате механической асфиксии, от сдавливания органов шеи руками».

Виновность подсудимой была доказана.

На место происшествия выехал следователь прокуратуры Вячеслав Меркурьев и был первым из официальных лиц, кто побывал здесь. Вместо 6 положенных для протокола фотографий он заснял в квартире Рубцова целую плёнку.

На фото из уголовного дела видны истерзанная шея (правая часть горла) поэта, как будто бы какой зверь рвал когтями шею (около десятка рваных ран). Фотографии мёртвого Рубцова были сделаны при осмотре места трагедии с 5 до 8 часов утра 19 января 1971 года. Множество ссадин – царапины на горле, на передней и боковых поверхностях, на носу, щеке...

О ранах, оставленных на шее поэта, его друзья вспоминали одинаково. Нинель Старичкова: «Отодвинула с шеи стебелёчки-листочки, кем-то положенные, чтобы не видно было следов преступления. То, что предстало глазу, было ужасным. Кожные покровы на шее разорваны, словно зверь терзал когтями. Надорвана мочка уха...» Писатель Виктор Астафьев: «Горло Коли было исхвачано – выступили уже синие следы от ногтей, тонкая шея поэта истерзана, даже под подбородком ссадины, одно ухо надорвано. Любительница волков, озверевши, крепко потешилась над мужиком...»

Прозаик из Рязанской области Борис Шишаев (друг и однокурсник Рубцова по Литературному институту), приехав на похороны в Вологду, и в вологодском Доме политического просвещения стоял в почётном карауле у гроба Рубцова, сказал: «Без содрогания смотреть на него было невозможно. На лице Коли были кровавые полосы, как будто проведённые когтями тигра, и одно ухо едва держалось – было совсем почти оторвано. Я ещё подумал: «Неужели нельзя было хоть как-то упорядочить всё, привести в божеский вид»? И душили меня слёзы. И ясно было одно: Коля убит, и убит зверски. И кто бы что ни говорил, что бы ни трезвонила теперь убийца, я тогда убедился в этом, и всегда буду говорить только одно – Рубцова зверски убили».

Такие раны нанесены не двумя женскими пальчиками, как уверяет «поэтесса». Пока же она терзала Рубцову горло, рвала его как волчица, он якобы успел крикнуть целых три фразы: «Люда, прости! Люда, я люблю тебя! Люда, я тебя люблю!»

Сразу после этих фраз он сделал рывок и перевернулся на живот. Неужели вместо того, чтобы отбиваться руками от убийцы, Рубцов лёг на живот, в неудобную для борьбы позицию, да ещё и кричал о любви! Кричал или нет такие слова Рубцов – неизвестно: может, это тоже фантазия убийцы, выдуманная ею на третий день после первого допроса. А если и кричал для того, чтобы остановить убийцу, то совершенно бесполезно, – ему это не помогло. Какая-то сатанинская сила, непонятная самой женщине, овладела ею, и она не могла остановить себя. Эта необъяснимая сила накапливалась в ней не один месяц. Зло заполняло её сердце и поднималось выше, затемняя рассудок.

Если бы между ними была «потасовка», как уверяет убийца, то у неё были бы следы от действий Рубцова. А их нет.

На вопрос – почему же она не ушла из дома, раз разгорелись такие страсти, ведь у неё проживали родственники в Вологде, – она ответила, что квартира была заперта на ключ, который находился у него в кармане. Однако, после того как Дербина убила Поэта, она отправилась в милицейский участок на улице Советской в 5 часов утра в его валенках, спокойно открыв дверь ключом, который всегда и находился в замочной

скважине двери, и в поисках которого ей не пришлось лазить по карманам Рубцова, лежащего бездыханным на полу.

В деле имеется фото под названием «Кровь Николая Рубцова». Приведена схема квартиры с условными знаками для обозначения предметов. Выделено пятно на полу с надписью «пятна крови». На схеме следователя приведён вид лежащего спиной вверх Рубцова в рубашке с засученными рукавами и в брюках...»

И вот тут фантазии «поэтессы» вряд ли могут быть описаны в полном объёме – так они обильны, да и надо ли описывать всю чушь, которая ей время от времени приходит в голову?

Сначала поэт оскорблял её, потом стал бросать в неё зажжённые спички (в других версиях про спички ни слова). То набросился на неё с молотком, то схватил нож и хотел её пырнуть, а потом пытался убить себя, нанеся себе несильный удар (экспертиза не нашла следов этого удара), а то и вовсе принёс с балкона лопату и замахнулся ею на подругу. В общем – страх и ужас. Друзья, знавшие поэта много лет, не могли представить себе такого воинственного Рубцова (резким словом он мог обидеть, но физически...)

Из скупых строк милицейского протокола: «На балконе снежный покров не нарушен. В углу стоит металлическая лопата и 18 бутылок из-под кефира и 3 бутылки из-под вина». Значит, что Рубцов на балкон не выходил и с лопатой на Дербину не бросался!

Как известно, и сама убийца это подтверждает, Рубцов с журналистами пили вино. Последним в 23 часа он проводил Третьякова и с лестничной клетки попрощался с ним, крикнув «До свиданья!» Значит, Поэт твёрдо держался на ногах. В 4 часа утра, то есть до и во время убийства, он был почти трезв. А полпятого Дербина пошла сдаваться в отделение милиции, расположенное через один квартал от места трагедии. Не сходятся концы с концами у убийцы.

Но перед тем как идти сдаваться, убийца хладнокровно прибралась в квартире: подмела сожжённые спички, которые якобы бросал в неё Рубцов, ибо следов этих спичек не было. Убрала также осколки разбитых бутылок, которые Рубцов метал в неё, как гранаты, отнесла в ванну валявшееся на полу грязное тряпье, ополоснула руки. А также имитировала сцены борьбы, для чего был повален стол с аккуратно застеленной скатертью (если бы стол упал во время потасовки, то скатерть была бы сдвинута) и табурет. Были разбиты личные вещи Рубцова (икона Николая-Чудотворца, гармонь, пластинка Вертинского, комнатный термометр, деревянная пепельница). На полу валялись разбросанные иконки, портрет Гоголя с раздавленным стеклом. В квартире имелись следы сапог. И, главное, пришедшие друзья обнаружили, что в архивах аккуратного Рубцова не хватает нескольких писем, причём конверты сохранились, что вовсе нелогично. Если бы Поэт решил избавиться от содержимого этих конвертов, то уж пустые конверты и вовсе не стал бы беречь всю свою бесприютную жизнь и таскать их в своём чемодане много лет. Не оказалось среди документов и блокнота Поэта, куда он записывал нужную ему информацию. Исчезла также написанная Рубцовым повесть под названием «Детство». А то, что многие бумаги Рубцова были сожжены в ту же ночь после смерти Поэта, выдаёт тот факт, что в кухне на столе остались следы «костра», а над столом на потолке – чёрная копоть.

Вселившиеся после смерти Рубцова в квартиру новые жильцы нашли там старенький диван, круглый раздвижной стол, две табуретки да груды пепла на кухонном столе от сожжённых бумаг. Что же сожгла Дербина, прежде чем идти сдаваться в милицию? Никто никогда её об этом не спросил.

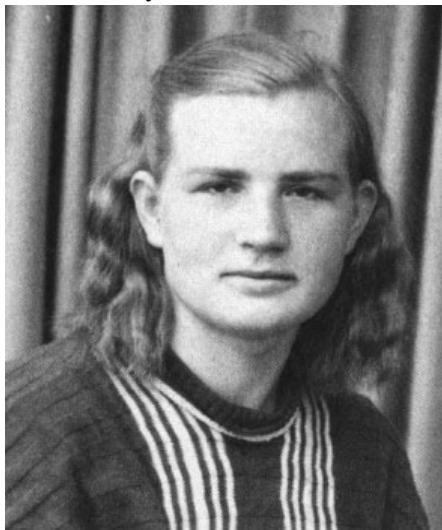

Многие, собравшиеся у гроба, плакали. Народу на кладбище собралось изрядно. Самой горькой и одинокой была на похоронах Гета Меньшикова, – «мать его дочери», как он сам её называл, приехавшая из деревни Николы.

После гибели Поэта вологодские писатели буквально «казнились» в том, что просмотрели в силу природной русской деликатности вероятность трагического исхода взаимоотношений Рубцова и «волчицы». Именно «волчицей» стали называть убийцу, почувствовав в её стихах звериную натуру. «Не то ему надо, не то...» – страдальчески морщились друзья, но не могли вникать в столь деликатное дело.

В последние дни перед смертью многие, с кем поэт встречался, отмечали его подавленное настроение, словно он хотел избавиться от этой женщины. Вся литературная Вологда знала об этом. Рубцов оказался в центре какого-то чудовищного заговора, из которого ему было не вырваться.

Появилась версия, что поэт давно предчувствовал в своей жизни что-то неладное, подозревал, что за ним следили. Даже свою будущую убийцу спрашивал: «А не подослали ли тебя ко мне?..» Друзья в своих воспоминаниях приводят разные истории, связанные с преследованиями Рубцова, кого-то он боялся и об этом у него есть стихи.

Г.М. Меньшикова – гражданская жена поэта.

Лена – дочь Н.М. Рубцова

Соседи по лестничной клетке и дочь Рубцова – Лена – помнят, как летом 1970 года его гражданская жена Генриетта с дочерью выбежала из квартиры Рубцова, застав у него Дербину. Рубцов бежал вслед за ними с травмированной ногой и кричал: «Родные мои, не покидайте меня! Я погибну без вас!», а потом вернулся, не догнав...

Обидевшись на него, Генриетта осенью того же года отвергла предложение Рубцова зарегистрировать в ЗАГСе отношения. А в Новый год он ждал их приезда: купив ёлку, Рубцов не стал её наряжать, думая, что сделает это вместе с дочкой. Ёлка так и осталась не наряженной: Гета с Леной не приехали, потому что перемело дорогу, и не ходил транспорт.

Многие друзья и знакомые поэта предчувствовали трагический конец взаимоотношений этих совершенно разных и даже несовместимых людей: Рубцова и Дербиной-Грановской.

Нинель Старичкова послала ему новогоднюю открытку, в которой после поздравления с праздником приписала: «Береги свою голову». А Виктор Коротаев – известный вологодский поэт и собрат Рубцова по лирическому цеху (он работал тогда в газете «Вологодский комсомолец»), начал писать стихотворение, которое оказалось пророческим:

Потеряем скоро человека,
В этот мир забредшего шутя.
У законодательного века
Вечно незаконное дитя.
Тридцать с лишним лет как из пелёнок,
Он помимо прочего всего
Лыс, как пятимесячный ребёнок,
Прост, как погремушечка его...

Испугавшись написанного, он бросил писать. А вскоре ему пришлось дописывать это стихотворение...

Похороны Н. Рубцова

СУД НАД ГРАНОВСКОЙ-ДЕРБИНОЙ

Тут уместно было бы вспомнить фразу, сказанную Трусом, персонажем фильма «Кавказская пленница»: «Наш суд – самый гуманный суд в мире!», что касается убийцы Рубцова.

Сначала Дербина испугалась высшей меры за своё злодеяние, и стала «косить» под ненормальную. Но когда узнала от адвоката, что высшую меру ей не дадут (так как имеет малолетнюю дочь), а вот из психбольницы ей трудно будет вырваться на волю, она представила себя перед врачами вполне адекватной.

Суд был назначен на 6 апреля 1971 года. За что и как Дербина-Грановская убила Рубцова? Ответы на эти вопросы должен был дать суд. Однако всех, кто хотел узнать подробности из газет или побывать на процессе лично, ждало разочарование: судебное заседание, на котором рассматривалось уголовное дело в отношении Грановской, обвиняемой в умышленном убийстве Николая Рубцова, проходило в закрытом режиме, что было очень выгодно убийце.

Желающих присутствовать на суде было огромное количество. Почти все вологодские писатели были здесь: и Василий Белов, и Александр Романов, и Виктор Астафьев. Но председатель суда разрешил допустить лишь одного, да и то если тот принесёт «командировку» от газеты, то есть можно было пройти лишь журналисту, а не писателю. Друзья уступили это место Виктору Коротаеву. На заседание он был допущен по командировочному предписанию, предусмотрительно выписанному в редакции. Ему разрешили присутствовать на суде, но без права выступать, хотя он хорошо знал Рубцова.

Из подъехавшего к дверям «чёрного ворона» сквозь тесный строй столпившихся людей конвой вывел и сопровождал подсудимую, которая шла, не опуская головы, самоуверенная, спокойная, даже с усмешкой на лице.

В зале заседания Коротаев сидел ни жив, ни мёртв, боясь шелохнуться, ведь могли выгнать из зала суда и тогда не было бы ни одного свидетеля судебного разбирательства со стороны Рубцова. В блокноте, расположенном на колене, он фиксировал происходящее. Позже на основании этих материалов опубликовал статью «Гиря дошла до полу» и книгу «Козырная дама», рассказывая об этом событии.

Дербина хотела уйти под неумышленное убийство, но слишком явными оказались следы её садистских издевательств над Рубцовым.

Слева направо: Ира – дочь Астафьева, Виктор Коротаяев, Мария Семёновна – жена Астафьева, Николай Рубцов, Виктор Астафьев

Коротаяев записывает, что подсудимая часто перебивает (а по существу направляет) свидетелей, словно не понимая, что она совершила, не мучаясь совестью за содеянное, раскаянья не произошло: настырная, рациональная. Один за другим выступают её свидетели, а мёртвый Поэт их не имеет. Рассказы-вают, как она хорошо работала в библиотеке, как её уважали сослуживцы, как занималась общественной работой. Подсудимая имеет и защитника, и свидетелей, а покойника поносят, и некому его защитить.

Присутствующие в качестве свидетелей вологодские журналисты, которые были в гостях у Рубцова с Дербиной в день убийства, боялись, что их привлекут к соучастию в убийстве, поэтому их показания свелись к самооправданию.

На суде присутствовала Генриетта Меньшикова, которой по сути не удалось защитить своего мужа. В. Коротаяев пишет:

«Генриетта Меньшикова поясняет, что жили они врозь потому, что были сложности в характерах... И добавила: «Он – поэт!»

– Мы судим здесь не поэта, а гражданина, – грозно обрывает её адвокат Дербиной. И Гета замолкает. Её больше ни о чём не спрашивают, – пишет Коротаев. – А у меня в висках стучит: «Судим поэта?! За то, что его убили?!»

Виктор Коротаев

Однако когда адвокату надо строить защиту, она вставляет в свою речь стихи Рубцова, опубликованные незадолго до суда в газете «Вологодский комсомолец»:

В твоих глазах – любовь кромешная,
Немая, дикая, безгрешная!
И что-то в них религиозное...
А я – создание несерьёзное –
Сижу себе за грешным вермутом,
Молчу, усталость симулирую...
– В каком году стрелялся Лермонтов?
Я на вопрос не реагирую!

Адвокат вопрошает: «Чему могут научить эти стихи подрастающее поколение?» А Коротаеву хочется возразить и процитировать всем школьникам известные пушкинские строки:

Выпьем, добрая подружка,
Бедной юности моей.
Выпьем с горя. Где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Но он лишён права голоса, и с открытым хамством не может воевать. В обязанности женщины-адвоката входила прямая защита виновной, и ею было сделано всё, чтобы втоптать в грязь имя бесчеловечно угробленного поэта Рубцова. Она задавала каверзные вопросы, чтобы подвести личность Рубцова под опустившегося алкоголика. Всяческими способами, методами и стараниями она пыталась обелить, увенчать ореолом жертвенности, терпеливости, чуть ли не святости личность убийцы и договорилась до того, что просила для обвиняемой всего лишь **год условно!** (А за умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами Дербиной полагалось по статье минимум **15 лет**).

Недорого же она ценила жизнь безвременно погибшего таланта, уже тогда всенародно признанного и причисленного к разряду выдающихся деятелей русской поэзии.

Удивила и речь прокурора: он вместо того, чтобы выдвигать и обосновывать обвинение, стал осуждать вологодских писателей, которые недостаточно строго воспитывали Рубцова. В последнем слове обвиняемая Грановская согласилась с тем, что это она в здравом уме и трезвой памяти убила Рубцова, и, увидев посиневшую щеку, встала и отошла к балкону (не вызвала «скорую помощь», не попыталась сделать искусственное дыхание). А так и заявила самоуверенно: «Я поняла, что мы не будем вместе и решила его уничтожить». Вот так и прозвучало последнее слово убийцы и никакого раскаяния о содеянном, только пожалела себя: «Я погубила себя, как поэтессу...»

«Я сблизилась с ним на почве поэзии, – говорила она в заключительном слове. – Он был талантливый поэт, имел надо мной власть, я ему всё прощала (...) убила его я, он умер от моей руки...»

(Из акта судебно-психиатрической экспертизы от 9.III.1971 г.: «Сожалеет о случившемся. Понимает всю тяжесть своего поступка, но полностью виновной себя не считает и то, что произошло, называет «смертельным поединком»).

Судьи отправились в совещательную комнату, единогласно сошлись на том, чтобы признать убийство умышленным, но без отягчающих обстоятельств. 7 апреля 1971 года Вологодский городской суд признал Грановскую виновной в убийстве, приговорил её по статье 103 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы в колонии общего режима. Осужденную отправили в учреждении ОЕ-256/1 по улице Левичева в Вологде, где она отбывала срок наказания почти 6 лет.

Кассационная жалоба адвоката Грановской о переквалификации действий подзащитной на статью 104 УК РСФСР (умышленное убийство, совершённое в состоянии возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего) областным судом была оставлена без удовлетворения.

Тот факт, что суд проходил в закрытом режиме, вызвал много различных слухов, в которых фигурировало и КГБ, и заговор масонов (у Рубцова наполовину было оторвано ухо – как знак «ритуального убийства», как когда-то у его любимого поэта Сергея Есенина).

В вологодской газете «Красный Север» была опубликована статья Ф.Ф. Кузнецова, директора ИМЛИ, о том, что после осуждения убийцы Рубцова в правительство поступило прошение с просьбой о помиловании убийцы и её освобождении за подписью поэта из лагеря «громких лириков» Евгения Евтушенко. Этот приближённый к власти человек имел специальный телефон для прямой связи с Ю.В. Андроповым, в то время возглавляющим КГБ.

С этого началась эпопея её возвращения...

На приговор вологодского горсуда последовала кассационная жалоба от адвоката Дербиной-Грановской, в которой она просила приговор изменить, действия Дербиной переqualифицировать на статью 104 и ограничиться мерой наказания в виде исправительных работ. В самом начале срока зонавские врачи обнаружили у Дербиной затемнение в лёгких, после чего она стала работать в библиотеке колонии, оказавшись на особом положении.

Во время пребывания в тюрьме она с отличием закончила ПТУ №22 по специальности «швея-мотористка массового пошива женского платья и белья». В июле 1973 года окончила курсы поваров и получила 3-й разряд, а в ноябре – курсы кино-механиков. То есть училась она с частичным освобождением от работы – это не кирпичи таскать, работа в основном по «непыльным» специальностям, в отличие от основной массы осужденных женщин, которые действительно трудились в швейном производстве на основных работах. Кроме звеньевой, Дербина была бессменным руководителем культурно-массовой секции (КМС) отряда и некоторое время всей колонии. На литературных вечерах, конференциях, диспутах и просто беседах о писателях, поэтах, художниках, Дербина активно выступала и читала стихи разных поэтов, но никогда не читала стихи Рубцова.

Осужденная Дербина, пребывая в колонии, организовала себе так называемые три ступени исправления, которые давали ей право на досрочное освобождение. (Об этом написал статью «Личное дело» А. Цыганов в газете «Вологодская неделя» от 27 сентября – 4 октября 2001 года). Поставив задачу досрочного освобождения, Дербина добилась справки с роди-

ны, от вельской¹ подстанции, извещающей о том, что её возьмут на поруки на оставшуюся часть срока. Без этого документа досрочное освобождение немыслимо.

И возможно ей удалось бы получить досрочное освобождение, если бы не её сверхнаглость: она написала письмо Генриетте Меньшиковой, в котором потребовала отдать ей всё, что принадлежало Рубцову. На литературном наследии Поэта она ещё собиралась нажить. Тон письма был не только оскорбительный, но злобный и угрожающий. Получившая письмо жертва отправила это послание руководству колонии с просьбой оградить её от возможных преследований. После этого речи о досрочном освобождении уже не могло быть.

Известен и такой инцидент. «Осужденные стояли в очереди в прачечную, среди них была и Дербина-Грановская. Спустя какое-то время, последняя отошла в сторону по своим делам, а пустое место тут же заполнила другая осужденная. Вернувшись Дербина-Грановская, увидев на своём месте постороннего человека, отчего-то внезапно ожесточилась и бросилась на женщину, повалив её на землю. И там схватила её за горло. Находившиеся рядом двое осужденных с великим трудом отняли у Дербиной упавшую. А одна из этих женщин по фамилии Крылова тоже отбывала срок за убийство мужа. Вот эта-то Крылова и сказала тогда: «Теперь я знаю, как она убила Рубцова». Этот случай хотя до руководства колонии и не донесли, но начальнику отряда всё-таки проговорились...»

Очень интересен донос тюремного стукача под кличкой Рыжик. Этот документ сохранился в уголовном деле. «Источник», будучи с Грановской на прогулке, имела с ней беседу. В процессе таковой «источник» спросила:

– Люда, ты мужа своего сама убила, зачем, не жалко теперь его тебе?

На что Грановская высказала недовольство и ответила:

– Я бы его и ещё раз убила. Вся жизнь мне сломал. Пьяница. Никчёмный человек. Видите ли, поэт... учил меня. А мои стихи не хуже, а намного лучше. Но ничего, в Ленинграде есть люди и за меня вступятся, и за границей тоже знают. Вспомнят ещё Людмилу Дербину».

¹ Город Вельск – местожительство родни и родителей Дербиной.

Журналист-филолог П. Соловей опубликовала в 1996 году статью «...Поединок роковой», где есть такой фрагмент:

«— Если бы та январская ночь не обернулась трагедией, смогли бы вы жить, посвятив себя ему? – спросила я Людмилу Александровну при нашей встрече. Она ответила не задумываясь:

– Чтобы я отреклась от себя? Никогда! Я могла бы служить, если бы сама не была поэтом...

Казалось бы, чувство вины, ужас происшедшего должны были изменить её. Нет, не изменили...»

Значит, считая себя крупной поэтессой, Дербина не собиралась быть хорошей женой. Тогда зачем она пошла с Рубцовым подавать документы в ЗАГС?

Но, тем не менее, из 8 лет, назначенных ей судом, она отсидела только 5 лет и 7 месяцев. В связи с годом женщины, объявленным решением ЮНЕСКО дело Дербиной неожиданно пересматривается, и она освобождается из-под стражи. Юридически, как утверждают специалисты, «статья №103 Уголовного Кодекса СССР не подлежит никакому рассмотрению на предмет амнистии». После выхода на свободу, Дербина жила в Вельске и писала стихи.

А в 1980 году она получила приличную квартиру в Петергофе – там, где жили русские императоры. С её статьёй тогда это было очень не просто! – устроиться в Ленинграде. Причём не на тяжёлой лимитной работе, а по прежней, библиотечной, специальности... в библиотеке Академии наук СССР страшим редактором в отделе научной обработки литературы. Это скрупулёзный, кропотливый труд, требующий предельного внимания и высокого профессионализма, к этой работе допускались лишь избранные библиотекари. (Сегодня она ветеран труда, имеет медаль). Вот так провинциальной дамочке, которая получала массу нареканий, работая в сельских маленьких библиотеках, так крупно повезло. Вызывает удивление, ведь перед этим она была всего лишь сельским библиотекарем. По чьей же протекции, и за какие заслуги?

После перестройки (с 1992 года) её стали публиковать. Вышедшие статьи А. Михайлова, И. Частоступова, В. Бесперстова, В. Каркаева и др. в газетах и журналах, а также публикации

её сборников помогли убийце Рубцова в 90-е годы 20-го века легализоваться в литературе.

Как видно, её поддерживают достаточно влиятельные персоны. Вот так отплатил Дербиной «заказчик» убийство поэта.

Кому-то была выгодна смерть Рубцова?!

Ныне покойный русский писатель, один из крупнейших представителей «деревенской прозы» Василий Белов, который присутствовал при изъятии рукописей поэта вместе с Александром Романовым, Виктором Коротаевым, следователем и нотариусом, рассказал, что вслед за ними квартиру Рубцова посетили сотрудники КГБ. Василий Иванович согласился, что убийство поэта было заказным. «Я уверен в этом», – настаивал Белов. На доводы адвокатов убийцы привёл следующие факты: «Пока же я первый скажу прокурору, что своими глазами (без очков) увидел наполовину оторванное ухо покойного. Не сам же Рубцов отрывал себе ухо, вся щека его и висок были в крови. Это помимо так называемой асфикции, то есть удушения, что знает вся Вологда».

Нинель Старичкова вспоминала, что не раз Рубцов прибежал к ней на квартиру взволнованный, избитый, с жалобой: «А бьют-то всё по голове». Били Рубцова, как правило, накануне выступлений перед любителями поэзии. Кто-то выслеживал его, кто-то руководил этой слежкой.

Виктор Коротаев, написавший книгу о Рубцове «Козырная дама», говорил, что считает убийство Рубцова не простым убийством, а заказным. Выступая в Верещагинской библиотеке города Череповца, он сообщил всем присутствующим, что гибель Рубцова – это заказное убийство и убийца была не одна.

Сергей Сорокин-Вакомин, руководитель питерского Рубцовского центра, прямо говорил о заказном убийстве и о несчастном сокращении срока убийце, и о её дальнейшей, вполне благополучной судьбе, и о представленной ей широкой возможности «вспоминать» и печатать все свои измышления не только в нашей стране, но и за рубежом.

Вероятно, поэтому материалы уголовного дела были засекречены на 75 лет (до 2046 года), и до сих пор гриф секретности не снят.

ТАЙНА, ПОКРЫТАЯ МРАКОМ

Дербина уже получила от Рубцова то, что ей было нужно: положительный отзыв на свой сборник стихов «Крушина», после публикации которого она могла бы смело подавать документы в Союз писателей СССР. Как сообщила её адвокат, Грановская собиралась уехать в город Вельск на постоянное местожительство, к родителям, у которых проживала её маленькая дочь. Так что (или кто?) заставило её разыграть этот спектакль с бракосочетанием, «устроить скандал с Поэтом», в результате которого лишит его жизни?

Нинель Старичкова, присутствующая на суде, сообщила: после опроса журналистов, бывших в гостях у Поэта в последнюю его ночь, выяснилось, что был ещё пятый гость – Юрий Рыболов, который пришёл уже позже всех гостей, покинувших гостеприимного хозяина. Судья просит пригласить из коридора названного свидетеля, но его там не оказалось.

После похорон Рубцова Рыболов заходил к Старичковой, с которой, как и с Рубцовым, был знаком с 1968 года, и рассказывал, что видел назревающую между Рубцовым и Дербиной ссору, и если бы знал, чем это кончится, то остался бы. Но ему нужно было успеть на поезд к 2-м часам ночи, и он ушёл, чтобы уехать к себе домой в Ивановскую область, где он работал учителем. В летнее отпускное время (на каникулах) он постоянно приезжал к Рубцову и подолгу жил у него, вместе неоднократно приходили к Старичковой. В последнее время к ней заходил лишь Рыболов, интересовался, был ли Рубцов, сообщал, что сейчас пойдёт к нему, и она просила передать Рубцову привет.

Рыболов постоянно ночевал у Рубцова, спал на раскладушке, поэт доверял ему ключи от квартиры и часто во время отъездов оставлял его у себя, – свидетельствует Старичкова, которая утверждает, что Рубцов и Рыболов часто встречались в Вологде. У Рыболова оказалось 5 автографов стихов Рубцова и две записки поэта. В одной из них он пишет: «Юра, обязательно открывай и спрашивай, кто ко мне приходил. Будешь уезжать – напиши обо всём в записке. И оставь ключ на столе. У меня есть. Ни в коем случае не греми, не шуми! Выноси мусор из ящика на кухне в 9.15 во двор в машину. Гор. воды пока не будет. Отключили. Спи на раскладушке».

Вторая записка была примерно такого же содержания. Из записок следует, что гость из Ивановской области периодически жил в квартире поэта и мог принимать посетителей...

Как описывают очевидцы, Рубцов боялся этого учителя из Ивановской области и считал, что он из КГБ.

Во время зимних школьных каникул, 2 января, Рыболовов приехал в Вологду, зашёл к Старичковой, а 10 января к началу занятий в школе он должен был вернуться в свою деревню (кстати, в которую он так и не уехал).

В своих «мемуарах» Дербина сообщает, что в ночь на 17 января рано утром гулко хлопнула парадная дверь и тяжёлые медленные мерные шаги раздались на лестнице и неумолимо шли наверх¹. Ей показалось, что это идёт Командор к кому-то из них (Дербиной или Рубцову), чтобы приговорить к смерти. Прозвучал резкий звонок, но дверь не открыли, и шаги стали удаляться, тяжело и мерно спускаться по лестнице. До беды оставалось ровно двое суток, как сообщает «поэтесса». Создаётся впечатление, что время было определено.

На следующий день Дербина и Рубцов были в гостях у Алексея Шилова, который написал несколько песен на стихи Поэта, исполнял их и записал на пластинки. Вернулись они из гостей в 10 часов вечера. По сообщению Дербиной, едва они вернулись, как раздался звонок. Это оказался человек, который назвался Юриком, и они втроем просидели до 5 часов утра, и гость поразил Дербину своей эрудицией, оказавшись приятным собеседником. Выяснилось, что вчера «командорским шагом» в пятом часу утра приходил тот самый Юрик.

И вот на следующий день он снова в гостях у Рубцова, приходит на ночь глядя после ухода журналистов, и покидает квартиру гостеприимных хозяев около 2-х часов ночи, стремясь успеть на поезд. Но в свою деревню он так и не уехал, так как, по его признанию, утром он узнал о гибели Рубцова. А как он узнал об этом? От кого он узнал, если по радио об этом сооб-

¹ Очередная ложь. Не «парадная» дверь в доме, где жил Рубцов, а обыкновенная входная. В квартире на 5-м этаже не слышно как хлопает подъездная дверь, также как и шаги, только непосредственно на площадке возле двери в квартиру.

шили на вторые сутки, ведь сотовых телефонов тогда не было, а первые некрологи появились через день?

И почему в 5 часов «позтесса» бежит сдаваться в милицию в валенках Рубцова, а не в своих сапогах. Может быть, за ней или перед ней спускался некто другой с пятого этажа из квартиры Рубцова? И не эти ли самые «командорские» сапоги оставили следы на полу и бумагах, в частности на записной книжке Рубцова? И имитация борьбы в квартире была создана не достоверно: скатерть на опрокинутом столе лежит так, будто его аккуратно перевернули на бок два человека одновременно, скатерть даже не сдвинулась с первоначального горизонтального положения.

Как понимать тот факт, что у Рыболовова оказалась посмертная маска поэта и барельеф, первый при жизни написанный портрет Рубцова кисти художника Малыгина, несколько неопубликованных стихов Рубцова и, возможно, что-то ещё? Как он завладел посмертной маской Рубцова, если он даже на кладбище не был? И почему Дербина не вызвала его на суд как важного свидетеля? И почему три ночи подряд человек, который работает учителем в школе, а занятия уже давно идут, по ночам и до 5 утра сидит у Рубцова и, главное, куда он уходит от него среди ночи? Почему и, главное, зачем, третью ночь подряд Рыболовов ходит к Рубцову, хотя его никто не приглашал?

Сергей Сорокин-Вакомин, получил письмо от Рыболовова. Вот фрагменты этого письма:

«Уважаемый Сергей Анатольевич!¹

Вы просили написать о Коле Рубцове. Для меня он был очень дорог. Я почти все стихи его знаю наизусть. 18 января 71 года я был у него на квартире, сердцем как будто чувствовал, что его больше не увижу. Когда пришёл он был в плохом настроении, был не один дома была его сожительница Людка.

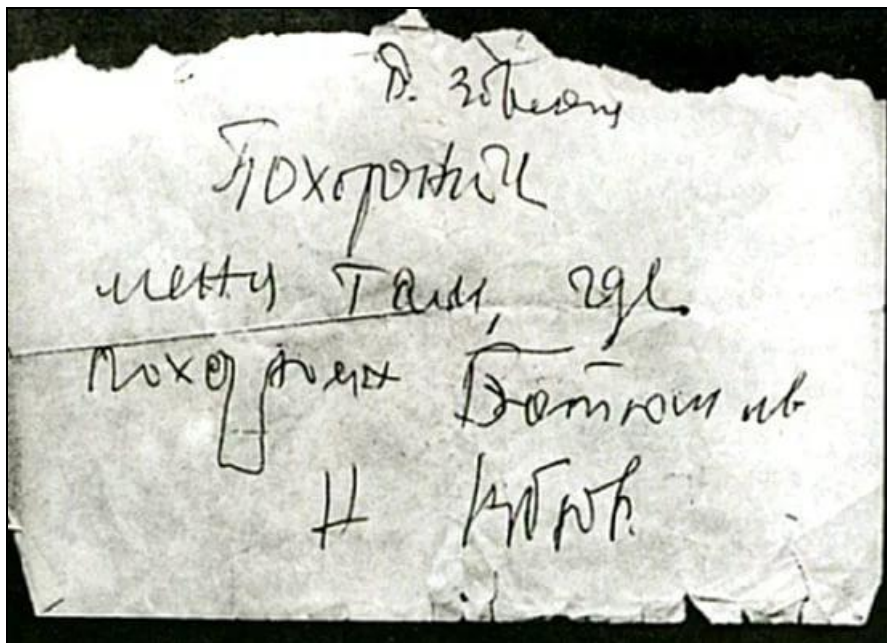
Я понял, что она его что-то спрашивала обо мне, посидел я у него недолго, потом ушёл, а утром узнал...

Вспоминаю его каждый день, как он был дорог для меня. Я до сих пор слышу его живой голос, он называл меня своим братом...

¹ Орфография автора сохранена.

Он чувствовал близость своей смерти говорил мне: Юра ты пойдёшь за моим гробом? Спрашивал не один раз. Завещал похоронить рядом с Батюшковым, но когда я отдал завещание Романову секретарю Вологодской писательской организации он сказал нельзя, у нас единое место захоронений общее кладбище.

Вот вкратце, что я мог написать...»

Из этого письма видно, что Рыболовов панибратски относится к Дербиной, называя её Людкой, что алиби у него на момент убийства не было. Как утром, уехавший в два часа ночи на поезде в Ивановскую область, мог узнать, что умер Рубцов и вернуться?

Видевшие опубликованную записку Рубцова (так называемое завещание) отметили почерк поэта: записка написана явно нетвёрдой рукой, будто Поэт находился в очень больном состоянии. Настораживает и тот факт, что записка оказалась именно у Рыболовова и передана им Романову как завещание.

Ещё раз представим себе ночь убийства и отметим несоответствия признаний убийцы. Любой мало-мальски образованный юрист подтвердит, что убить мужчину, а тем более задушить его в «схватке» без специальной ситуации невозможно. Если это открытая борьба, то убийца должна была сначала оглушить жертву, а уж потом душить. Но этого не было, судя по крикам жертвы, которые слышали соседи снизу. Кроме того, если это была «схватка», то у подсудимой были бы следы борьбы, но никакого следа от воздействия Рубцова на теле Дебиной экспертизой не зафиксировано. Все следы «схватки» имеются только на теле жертвы.

Если даже убийца сидела сверху на жертве, который бы лежал на спине, то задушить и слабого мужчину невозможно, так как он может обороняться руками и ногами. Это значит, что убийца сидела на жертве, который лежал на животе. В этом положении жертва не могла обороняться ни руками, ни ногами. А то, что Рубцов после того, как она его удушила, в смертельной агонии перевернулся на живот – полная ложь, придуманная специально, чтобы скрыть заранее спланированное преступление. Зачем жертве из положения обороны перебрасываться в беззащитное положение от убийцы? В позе на животе Рубцов оказался либо обманным путём, либо он просто спал. Тогда всё ясно: убийца навалилась на него и стала рвать когтями переднюю часть горла и душить жертву. Вырваться из такого положения может только специально подготовленный и сильный человек.

А как понять её слова о личном признании вины, когда она «бросилась в милицию и взяла всю вину на себя»? Во-первых, она не сразу «бросилась» в милицию, а сначала произвела уборку в квартире, а во-вторых, приняла вину на себя, так как групповщина по убийству прибавляет срок. Кого она выгораживала? Того, кто потом её хорошо отблагодарит?..

УГОЛОВНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ – СТУПЕНЬ К ИЗВЕСТНОСТИ

Кто бы знал Брута, если бы он не убил Цезаря? Стало бы настолько известным имя Сальери, если бы оно не стояло рядом с Моцартом? А кто бы услышал о Дербиной, если бы от её руки не погиб известный поэт Николай Рубцов? Никто. И даже не важно, что это – геростратова¹ слава, главное *Слава!*

Смерть поэта до сих пор является источником многочисленных спекуляций и совершенно нелепых версий.

В уголовном деле Л. Грановской нет свидетелей финала трагедии. Только она сама, и всё что она рассказала – только те сведения и есть. Обвинительное заключение строилось на показаниях обвиняемой, полученных следствием, и на заключении судмедэкспертизы.

В 1998 году она обратилась в Вологодский областной суд с заявлением, в котором полностью отрицает свою вину в умышленном убийстве Рубцова. В том же году Верховный Суд РФ по ходатайству Дербиной затребовал дело из Вологодского областного суда и после его изучения пришёл к выводу, что оснований для пересмотра приговора 1971 года нет. Ей было отказано. Тогда она решила искать союзников через печать и телевидение.

Ей расхотелось быть просто убийцей, слишком тяжёлым бременем эта слава свалилась на плечи, и носить её с годами всё тяжелей и тяжелей. И вот убийца, которая никогда не скрывала, что не любила Рубцова и не раскаивалась в убийстве, решила и вовсе стать белой и пушистой, тем более, что живы её покровители (и возможно заказчики) и почему бы не попробовать? Да, она получила за своё злодеяние и квартиру во второй столице страны, престижную работу, выпустила свои литературные опусы и стала поэтом, как мечтала. Но хотелось главного – чтобы не смотрели на неё косо, как на убийцу, а поняли, что она по-молодости и по-глупости оговорила себя, а сама невинная, как младенец.

¹ Герострат специально поджёг храм Артемиды в Древней Греции, чтобы таким образом прославиться и остаться навсегда в истории.

Но если до «перестройки» она сидела как мышь в норке, то теперь «волчица» почуяла нутром, что её время пришло и надо действовать, да и друзья-товарищи рядом и помогут в любую минуту.

В своё время, убив Есенина, нерусские люди сфабриковали «дело»: он, де, был запойный пьяница, на почве алкоголизма (допиваясь до белой горячки) у него «поехала крыша» и в итоге он закончил свою жизнь в петле. Точно так же они пытались и Рубцова выдать за запойного алкоголика, а отсюда все его беды и в итоге преждевременная смерть. Дети и внуки мариенгофов и иже с ними не могли простить выдающегося гения, также воспевающего Россию, пробуждая её национальный дух, и убрали Рубцова руками Дербиной, которую сегодня усиленно реабилитируют, а имя великого поэта пытаются втоптать в грязь.

В 1990-е годы Дербина стала настойчиво утверждать в печати, что смерть 35-летнего Рубцова, и ранее страдающего от сердечных приступов и постоянно носившего с собой валидол, произошла не от удушения, а от инфаркта, развившегося после потасовки: «сердце просто у него не выдержало, когда мы сцепились».

После январского юбилейного 2001 года события вокруг обстоятельств гибели Николая Михайловича Рубцова непрерывно стали нарастать, а полемика в прессе обостряться. Систематические публикации убийцы и её литературных адвокатов поставили цель обвинить в гибели самого Поэта и организовать реабилитацию убийцы. Эти покровители легализовали её литературную деятельность, и теперь убийца поливает грязью свою жертву.

На лжи, гордыне и отсутствии логики построены как её личные выступления в прессе, так и интервью, которые охотно публикуют разные СМИ.

Со дня суда, состоявшегося в апреле 1971 года, специально явными и скрытыми «друзьями» распускаются слухи о «пьянице» Рубцове и о разочаровавшейся в нём Дербиной.

Целый ряд материалов, разоблачающих эгоизм Дербиной, её карьеризм и звериные инстинкты (образ «волчицы») были изъяты из материалов следствия.

Прямых свидетелей убийства у убийцы нет (или есть?), поэтому верить ей на слово и в её фантастические рассказы о «схватке» с Поэтом в своих мемуарах ни в коем случае нельзя. В изворотливости убийце не откажешь. Что ни выступление в прессе – то новый поворот в этом тёмном деле; ей бы только детективы писать – столько уже готовых сюжетов преступления имеется, что хватило бы на несколько книг. Но продолжает непрерывно изыскивать доводы для самооправдания.

Как из рога изобилия в различных газетах и журналах, книгах, даже в зарубежной прессе появились, интервью с убийцей: об её «отношениях» с поэтом, «его любви» к ней, её «переживаниях» и тому подобное. Очень подробно и красочно (до натурализма) она описывала сам момент убийства. Порой казалось, что она больше восхищается собой, чем раскаивается.

Одна ложь накручивается на другую. В процессе «схватки» «поэтесса» якобы раздела Рубцова, а он потом вскочил и снова оделся. Обороняясь, Дербина повалила Рубцова на пол, села на него всем своим весом более 80 килограммов и сдавила ему горло. Впрочем, тут расхождений много: то она двумя лишь пальчиками сдавила сонную артерию на шее поэта (и от этих-то двух пальцев Рубцов не мог вырваться?), то теребила его шею, то задушила его шарфом (кстати, шарф поэта, с которым он не расставался, не был найден), а то и вовсе заявила, что у Рубцова было больное сердце (это в 35 лет!), и он просто-напросто умер от инфаркта, а она здесь совсем не причём.

В сочинениях убийцы прослеживается несколько периодов:

1-й период – он меня страстно любил, а я его убила.

2-й период – с ним было так трудно, что мне пришлось его убить.

3-й период – он умер от сердечного приступа во время потасовки.

4-й период – я его не убивала.

В русском народном сознании преступление считается несчастьем, а преступников называют несчастными, поскольку они загубили свою душу. Однако Дербина не только не ужасается своего преступления – садистского убийства, но даже чуть ли не гордится собой, посмевшей совершить нечто сверхчеловеческое, и уж несчастной её никак не назовёшь.

Позиция Дербиной понятна: ей хочется моральной и юридической реабилитации. С клеймом убийцы несладко жить. Развив бурную деятельность по самореабилитации, она ездит с выступлениями, на которых чернит память поэта. Ибо для того, чтобы выгородить себя, другого надо затоптать. А враги, ненавистники русской культуры, с радостью воспринимают разные сплетни и слухи: и чем они грязнее и гнуснее, тем они для них сладостнее.

Вместо того чтобы молить о душе погибшего поэта, она бегит в залы и редакции газет. Совершив преступление телесное, она сегодня совершает преступление духовное, порочит память поэта, тем более что сам он за себя заступиться не может.

Все ждали от неё покаяния, но напрасно: так и не дождались. Более того, в таких вот строках (и многих других) она пишет:

Не мил мне удел человека,
размолотого на корню.
Во всех унижениях века
достоинство сохраню.

Отсидела. Освободилась. Казалось бы, живи в своём Петергофе, работай в престижной библиотеке, замаливай свои грехи, кайся и проси прощения за содеянное злодеяние у дочери Рубцова, неси достойно свой тяжкий крест! Смири гордыню! Но нет! Не такой характер у Дербиной. Бесовская червоточина по-прежнему разъедает ей душу и ведёт по жизни.

В 1994 году вышел сборник её стихов «Крушина», который вызвал у многих тревогу, о чём Виктор Филиппов в своей статье «Смерть поэта – литературный капитал для его убийцы» пишет, что уголовное преступление Дербиной – ступень к известности. Он назвал поэтессу – «с весьма болезненным представлением о духовных ценностях, для которой любовь и убийство есть причина и следствие», и стёрта грань между добром и злом. Стихи её, по мнению критиков, не плохие, но в целом банальные, слабые. Но она мечтала через Рубцова войти в литературу, ведь на следующий день, если бы не был убит, Рубцов собирался ехать в Москву, обещая взять туда её стихи. Видимо, передумал, чем и вызвал у неё такое бешенство...

К счастью (или нет) Дантес и Мартынов не оставили своих воспоминаний, как они убивали великий русских поэтов! Но сейчас другие времена: убийцы пишут книги, а «добродетели» их печатают. В книге воспоминаний о Рубцове, вышедшей в печать в 2001 году, много откровенной лжи, показной театральности (об этих склонностях Дербиной упоминается в уголовном деле). Присутствует здесь букет всякой «чертовщины»: и чёрная магия, и кликушество, и что она слышит голоса, общается с Божьей матерью. И всё это богохульно, если считать что Дербина позиционирует себя верующей, православной. До сих пор не укладывается в её голове, что она совершила страшный грех: нарушила заповедь «Не убий».

Любовь Чиркова возлагает цветы на могилу Н.М. Рубцова

Всё, что она написала о той январской ночи отталкивает либо фальшью, либо непомерной гордыней. Она до сих пор не может найти единственно верных слов ни для себя, ни для мира, ни для Бога.

К 70-летию со дня рождения Поэта убийца даже стала принимать приглашения и рассказывать на телевизионных подиу-

мах об этой трагедии и сотворять о ней новый обеляющий её миф, как это случилось в передаче у А. Малахова «Пусть говорят». Зрители смотрели и удивлялись: наглая, самоуверенная, без стыда, без совести. И... ни капли раскаяния! В титрах телепередачи она будет значиться как «вдова Николая Рубцова»!

Дербина хвалится, что получает множество писем, что «люди плачут над моими стихами, мои стихи уже поют, о моих стихах давно знают за океаном, в Америке».

Но судьбой и личностью Дербиной интересуется в основном «жёлтая» пресса, задавая ей специальные и провокационные вопросы.

Дербина-Грановская избрала метод публикации «компромата» на тех, кто её разоблачает, придумывает опровержение фактов. Цель у неё одна: побольше «жареного» материала, игры на бытовых ситуациях и особенно заметно стравливание русских мужчин и женщин на алкогольной проблеме.

30 лет спустя после трагических событий, в начале 2001 года, судмедэксперты из Санкт-Петербурга профессор кафедры судебной медицины Юрий Молин и заведующий отделом областного бюро судебно-медицинской экспертизы Александр Горшков провели самостоятельное исследование. Запрос на получение копии документа в госархив Вологодской области от этих экспертов не поступал. Вероятно, исследование проводилось частным порядком. В своём заключении эксперты сделали вывод, что смерть Рубцова наступила от развития «острой сердечной недостаточности», вызванной хроническим алкоголизмом с поражением сердца». (И когда только хронический алкоголик успевал писать свои гениальные стихи?) Такая версия имеет право на существование, но ведь она не доказана!

Два авторитетных эксперта моделировали события крещенской ночи 1971 года главным образом по рассказам заинтересованной стороны – Людмилы Дербиной.

Сама убийца в своих воспоминаниях о поэте убеждает читателя, что «не сдавливала шею Рубцова руками, что только щипала двумя пальцами...» и что он умер от инфаркта. Поражаешься грязной лжи, когда Дербина на всю страну вещает, что материалы и ужасные фотографии из уголовного дела – подделка. И это при том, что очень много очевидцев видели тело убитого Рубцова...

Эксперты сфабриковали своё заключение, и написали как бы предположение, понимая, что за серьёзную бумагу можно под суд пойти. Эту версию Дербина озвучила в книге. Об этом говорила и в телепередаче. Через 30 лет после смерти Рубцова она изрекает: «Рубцов умер своей смертью». Свои воспоминания она заканчивает фразой: «Смерти нет, а жизнь каждого человека есть тайна, ведомая только Творцу». Немыслимо и дико слышать такие слова от человека, который лишил жизни другого!

Нашлись литераторы и читатели, которых возмутили эти инвективы Дербиной, посыпались статьи о её кощунстве. Но это только ещё более раззадорило Дербину, она стала действовать ещё наглее, специально подогревая интерес к себе, пытаясь обелить себя, придумывая всё новые версии той ужасной драмы.

Но интересен такой факт. В своём интервью на вопрос журналиста Игоря Панина: «Образ Рубцова, как и Есенина, прочно ассоциируется с алкоголем, дебошами. Причём обличается, что часто он сам провоцировал скандалы», Людмила Дербина отвечает:

– За ним такое водилось. (...) Но в то же время нельзя всё объяснить его любовью к выпивке! Как надоело: «Рубцов – пьяница». Хоть трагедия с ним и произошла на почве пьянства, но я не могу назвать его алкоголиком. Да, он любил выпить, особенно в последний год жизни, иногда это продолжалось не день, не два, но и три, и четыре... Однако были периоды, когда он не пил вообще. Творческий человек, понятно же. Это такое напряжение. Кто-то думает справляться с ним без алкоголя, а он не умел. Ему нужно было временами расслабляться. Я буду всегда защищать Рубцова, до конца! Пусть у нас произошла катастрофа в жизни, но это ничего не значит...

Конечно, прощать Дербину не стоит, но хотя бы здесь она не считает Рубцова хроническим алкоголиком. Только как же быть с экспертами, которые установили, что Рубцов умер от сердечного приступа, вызванного хроническим алкоголизмом? Но ведь она сама ответила, что хроническим алкоголиком Рубцов не был. Значит, и сердце не болело?..

«ВЕДЬМИНСКИЕ КРУГИ»

Если бы не нагловатая напористость убийцы, то тайна гибели Рубцова могла бы и навсегда остаться тайной. Но необходимость отпора лжи и наглости заставила обратить внимание на публикации и сопоставить известные и новые материалы по теме.

Много мифов и легенд ходит о смерти Рубцова.

Не стесняясь, всякого рода писаки, выставляют Рубцова в позорном виде, порой как отброса общества, бомжа и пьяницу, пропахшего помойкой.

В своём пророческом стихотворении Николай Рубцов писал:

Я не знаю, что это такое,
Я не верю вечности покоя!

Бедный поэт! Нет ему покоя и после ухода в мир вечный...

Вологодский писатель Р. Балакшин в статье «Такому человеку не позавидуешь» приводит высказывание писателя В. Плотникова: «В частности пытаются из убийцы Н. Рубцова Дербиной сделать невинную жертву «тоталитаризма». Пытаются заставить людей поклоняться убийце, а не Поэту; Иуде, а не Христу».

Вместо христианского покаяния и ухода на «заслуженный» отдых, Дербина-Грановская продолжает будоражить общественное мнение. При этом каждый раз всё новые и новые сведения, выдуманные убийцей, поражают своей неумной фантазией.

Ярослав Щедров в газете «Комсомольская правда!» в статье «Николай Рубцов предвидел свою смерть» излагает массу сведений, придуманных автором с подачи убийцы. Например, «...лишь в 1970 году получил собственную однокомнатную квартиру» и что «до этого жил в крестьянской ветхой избушке на окраине Вологды», чего никогда не было. И ещё: «Квартиру получил во многом стараниями второй жены Людмилы Дербиной...» Надо ли доказывать, что квартиру он получил от вологодских властей за свои заслуги, и уж точно назвать второй женой Дербину никак нельзя. Впечатляет и другая ложь: «...затем схватил два кухонных ножа и сказал, что сейчас зарежет, и в

это время со стены упал домашний иконостас». Удивительная фантастика убийцы, играющей силами рока. Удобно всё свалить на рок, судьбу и тёмную силу.

А далее: «Она стянула на шее Рубцова концы его знаменитого шарфа, и передавила Рубцову сонную артерию». До этого во всех рассказах убийцы (на суде и в предыдущих интервью) не было никакого шарфа, а фигурировали только её пальчики.

Профессор кафедры славянских языков и литературы Калифорнийского университета делает в антологии «100 русских поэтов» такое примечание к стихам Николая Рубцова: «Кумир «деревенщиков», Рубцов умер от того, что жена прокусила ему шейную артерию...» Просто сцена из американского фильма ужасов о вампирах.

19 июня 2001 года в «Комсомольской правде» вышла статья О. Перанова «Поэта Рубцова никто не убивал», направленная на реабилитацию убийцы: «Её оправдали, (никто её не оправдывал!) а эксперты установили, что смерть Николая Рубцова всё-таки наступила от сердечного приступа».

А вот другой автор – Владимир Федотов, спецкор газеты «Правда» выдаёт такие перлы: «Встретились на этой земле и полюбили друг друга Николай Рубцов и Людмила Дербина». И далее: «...она была осуждена как убийца Н.М. Рубцова – якобы задушила его подушкой».

Известно из показаний самой убийцы и из её стихов, что она никогда не любила Поэта. Если бы у неё были какие-то чувства к нему, то такого потока грязи после смерти Рубцова не вылила бы. И откуда взялась подушка?

Сама убийца признаётся в своих стихах:

Ты видел: тебя не любила,
Не видеть ты это не мог.

И ещё:

Но был безумец... мною увлечённый,
Он видел бездну, знал, что погублю,
И всё ж шагнул светло и обречённо
С последним словом: «Я тебя люблю!»

Дербина продолжает публиковать свои сочинения: о её «отношениях» с поэтом, о «его любви» к ней, о переживаниях и

т.д. Очень подробно и красочно (до натурализма) она описывала сам момент убийства. Порой казалось, что она собой больше восхищается, чем раскаивается.

В одном из интервью она со смакованием описывала сексуальные подробности своей жизни с Рубцовым в духе садомазо. Потом, правда, покаялась, что всё придумала. Но фантазия у неё потрясающая. Интимные отношения между людьми – дело деликатное, нельзя об этом кричать на весь мир. А ей от этого кайф! Ей неведомы понятия стыда и совести.

Василий Белов сказал по этому поводу: «Ни одному слову этого рыжего Дантеса в юбке верить нельзя!»

Вот так и происходит фальсификация. И можно не удивляться, что убийца находит поддержку и сочувствие: Евтушенко хлопочет о её досрочном освобождении из тюрьмы. О многом говорит и неожиданная амнистия. Питерские эксперты со званиями докторов наук меняют подлинные заключения экспертизы о причинах смерти поэта. Выйдя из тюрьмы, убийца устраивается на престижное место работы в академической библиотеке г. Санкт-Петербурга, хотя перед этим была всего лишь сельским библиотекарем. И квартиру получает в Петергофе – резиденции царей. Как видно, её поддерживают влиятельные персоны.

Кстати, в день своего семидесятилетия Евтушенко, выступая в эфире, не назвал среди поэтов-«шестидесятников» имени поэта Николая Рубцова...

Выливая ушаты грязи на гениального поэта, защитники убийцы пытаются представить его бомжом и алкоголиком. Но пил Рубцов, как говорит сама же Дербина, не больше и не меньше других. Обычным людям непонятно, что в жизни творческих людей алкоголь присутствует всегда. Невозможно представить, чтобы Высоцкий, выкушав борща со сметанкой, пошёл и написал «Парус» или «Привередливые кони». Обычные люди не должны обсуждать, какой ценой заплатил поэт за свою гениальность, а должны читать их произведения и восхищаться.

Кроме алкоголизма, о Рубцове муссируется и другая версия, ведущая поэта к гибели: это мысли о самоубийстве. Якобы поэт предвидел свою смерть, шёл к ней, стремился, отсюда и стихотворение «Я умру в крещенские морозы». Однако многие

исследователи творчества Рубцова сомневаются в том, что это произведение принадлежит перу Рубцова: ни автографа, ни черновиков этого стихотворения не найдено, что не свойственно поэту – все остальные черновики сохранены.

Ясно одно: Рубцов не собирался уходить из жизни. Геннадий Сазонов в статье «Последнее письмо поэта» в газете «Труд» от 13 марта 2002 года опубликовал письмо Рубцова к секретарю Обкома КПСС В.А. Грибанову, в котором поэт писал за месяц до трагических событий, что собирается упорядочить бытовую сторону своей жизни. Рубцов хотел убедить, и прежде всего себя, что может стать другим. Он понимал своё предназначение в жизни, и что этим надо дорожить. Он был полон желания жить и творить и никакого намёка на то, чтобы свести счёты с жизнью!

Михаил Суров

Восхищаясь стихами своего земляка, преклоняясь перед его гением, и возмущённый всей той грязью, которой поливает его убийца, известный вологодский предприниматель Михаил Суров¹, выкупил уголовное дело Рубцова, которое пропало из архивов УВД при неизвестных обстоятельствах, и в 2008 году издал на собственные деньги 744-страничную книгу «Рубцов. Документы, фотографии, свидетельства». В книге опубликованы отсканированные страницы уголовного дела номер 3456. А также письма; телеграммы; за-

¹ Михаил Суров – вологодский политик, четыре раза избирался депутатом Законодательного собрания Вологодской области, председатель политсовета Вологодского народного движения, известный коллекционер антиквариата, меценат, знаток Русского Севера, автор книг о Н. Рубцове и В. Белове, снимался в кино, баллотировался в губернаторы Вологды. Трагически погиб в автокатастрофе в 2011 году при невыясненных обстоятельствах, как когда-то губернатор Алтайского края Михаил Евдокимов.

писки; черновики; рукописи Рубцова; личное дело убийцы Грановской; огромное (около 1500) фотографий, треть из которых никогда не публиковалась; эксклюзивные и секретные документы; материалы из архивов КГБ; личная записная книжка поэта и многое другое: материалы судебного процесса по делу об убийстве поэта отличаются от материалов следствия; досье адвоката Л.П. Фёдоровой, защищавшей в суде Л. Дербину; подлинные записи поэта. Особо автором высвечена роль «чёрного человека» – Ю.П. Рыболова. Суров уверен, что к трагедии Рубцова было причастно третье лицо.

– Странно, но дело о гибели Рубцова то появлялось, то пропадало. Множились слухи и домыслы, но правды мы так и не дождались. Официальные лица обещают нам обнародовать уголовное дело через 50 лет. Я не доживу, как и многочисленные мои сверстники. Я категорически против сокрытия правды, поэтому публикую в полном объёме материалы уголовного дела 3456, волею судьбы оказавшихся в моих руках, – говорил Суров в интервью «Интерфаксу». – Зачем дело секретить на столько лет? Он же не маньяк, не шпион, он – поэт, великий.

И вот Суров решил положить конец всем этим преднамеренным тайнам. Обнаружились несостыковки между показаниями Грановской на следствии и более поздними «мемуарами», как она сама их называет. Изданные книги автор бесплатно раздавал в библиотеки и друзьям Рубцова. Он хотел чтобы как можно больше людей узнали правду.

Трагическая гибель мецената потрясла население Вологодской области. Михаил Суров похоронен на том же Пошехонском кладбище, где и Николай Рубцов.

Прочитав книгу Сурова, Дербина облила грязью и его, как она делает со всеми, кто защищает поэта. Виноватой в убийстве Рубцова она по-прежнему себя не считает и надеется на посмертную реабилитацию.

Поэтическое наследие Николая Рубцова продолжает покорять миллионы читателей, им хочется знать как можно больше о любимом лирике. И вот на этой читательской любви частенько спекулируют недобросовестные исследователи.

Поэта, которого известный писатель Фёдор Абрамов «блистательной надеждой русской поэзии», а Виктор Астафьев охарактеризовал как Поэта, «посланного прославлять землю свою, природу русскую и людей её забытых и загнанных вре-

менем в тёмный угол...», называли наследником русского поэта Сергея Есенина.

Есенин и Рубцов – поэты, которые вечны для русского народа.

Дербина сгубила редчайший талант, лишила читателей светлого поэта, осиротила близких и родных. Ей не понять, что по моральным соображениям они с Рубцовым давно по разные стороны баррикад, как Моцарт и Сальери, и никогда не будут вместе. Если бы не она, то Рубцов был бы жив и радовал людей своими произведениями. Свершилась ещё одна трагедия в русской литературе и обеднилась жизнь на Руси, умолкнул так и не набравший своей высоты пронзительно русский национальный поэт.

Но убийца продолжает писать разного рода воспоминания, и её «доброжелатели»-журналисты врут напропалую, не стесняясь откровенной лжи, полученной от заказчицы. Понятно, что все её «воспоминания» – попытка представить себя жертвой поэта. Такую бредятину распознают даже дети; в своих мемуарах она красочно описывает, как искала могилу Рубцова, и вдруг он позвал её: «Люда, я здесь». Она говорила с ним полчаса, и он попросил у неё прощения за те страдания, которые ей причинил. Потрясающая наглость! Или как говорят нормальные люди, «сдвиг по фазе». Даже здесь убийца не смирила свою гордыню.

Своё желание «остаться самой собой, не сломаться» она пронесла через всю жизнь и радостно сообщает, что до сего дня «не сломалась», чем и гордится. Её гордыня – ещё один большой грех по православным заповедям, который она опять-таки выпячивает на публику, демонстрируя свой необузданный характер. При этом авторов, защищающих поэта, Дербина обзывает последними словами. Вот кого за оскорбления можно призвать к ответу и снова судить!

Чтобы выгородить себя, надо очернить и затоптать другого, что и делает Дербина, и этот путь безнадежен и пагубен... Конечно, враги и ненавистники русской культуры, которым нет числа (имя им легион), с радостью воспринимают разные сплетни и слухи, и чем они грязнее и гнуснее, тем они для них сладостнее. Некоторые наивные читатели, не понимают, что

ими манипулируют, попадают на удочку дальновидным адвокатам убийцы.

«Никогда ещё в истории России не было такого явления, чтобы убийца публично выступала в открытой печати и находила друзей», – пишет Ю.И. Кириенко-Малюгин.

Друг, который последним видел Рубцова живым, – А.С. Шилов, – написавший несколько песен на стихи Рубцова, – сказал: «Ушёл из жизни большой, талантливый истинно русский поэт», дружбой с которым он гордился.

Все, кто знал Рубцова, запомнили его живой доверчивый взгляд. «От природы он был добрым, весёлым и светлым человеком, с душой, распахнутой для жизни, любви и дружбы. И как бы судьба ни выколачивала из него эти свойства, он не сдавался ей», – написал о нём друг и собрат по перу Станислав Куняев.

Если друзья поэта вносят положительные аспекты в копилку памяти о Рубцове, то Дербина со своей мезьей, вносит только ложь и негатив, выставляя себя мученицей. Осталось только орденом её наградить, как мрачно пошутила Генриетта Меньшикова в своих воспоминаниях о Рубцове.

Умный читатель, конечно же, всё понимает, и никакая ложь со стороны убийцы и её «помощников» не смогут поколебать стойкую любовь в душе к русскому поэту. Да и сама Дербина, отвечая на очередной вопрос журналиста – в чём феномен Рубцова, ведь его практически никто не раскручивал, в отличие, например, от таких же «шестидесятников», многие из которых давно и прочно забыты, – ответила:

– Он настолько родной, настолько свой русским людям, что нет ничего удивительного в его популярности. Его прижали к сердцу, как Есенина. Я считаю, что это навечно. Пока в России будут проживать русские люди, во всяком случае...

Что ж? И на том спасибо.

Замечательный русский поэт в своих стихах запомнился читателям живым, душевным, добрым, сострадательным и светлым, и никакие «тёмные силы» не смогут замутить этот образ.

Для написания этой книги автором были использованы следующие литературные источники:

1. Истоки трагедии великого русского поэта (информация к размышлению). Рязань, 2012 г.
2. <http://uainfo.org/blognews/146525342-esenin-umer-pri-doprose-vseh-sledov-prestuplenya-chekistam.html>.
3. <http://esenin.niv.ru/esenin/smert/imena-ubijc.htm>, 2000 год.
<http://www.youtube.com/watch?v=z72qFwTyg44&feature=related>.
4. О Русь, взмахни крылами (поэты есенинского круга). М., 1987.
5. Станислав и Сергей Куняевы «Сергей Есенин», М., 2002 г.
6. Н.К. Сидорина «Златоглавый. Тайна жизни и гибели Сергея Есенина». Калининград, 2005.
7. В.И. Кузнецов «Сергей Есенин. Казнь после убийства», СПб., 2005.
7. Н.И. Шубникова-Гусева «Есенин глазами современников». СПб., 2006.
8. С.А. Лучкина «Пятый угол пятого номера», 2008.
9. Н.Ф. Астафьев «Трагедия в «Англетере»: действующие лица и исполнители». СПб., 2017.
10. Ю.И. Кириенко-Малюгин «Тайна гибели Николая Рубцова». М., 2004.
11. Н. Попов «Николай Рубцов в воспоминаниях друзей». М., 2008.
12. М.А. Полётова «Душа хранит». М., 2009.
13. С.Ю. Куняев «Любовь исполненная зла...». М., 2012.
14. С.Ю. Куняев «Поэзия. Судьба. Россия». М., 2001.
15. «Николай Рубцов», изд-во «Феникс», Ростов-на-Дону, 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСЕНИН И РУБЦОВ. ПАРАЛЛЕЛИ СУДЕБ	3
ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ ДВУХ ПОЭТОВ	13
Сергей Александрович Есенин	14
Кто и за что убил Есенина?	14
Как убили Есенина	36
Фальсификация фактов убийства	58
Ложь о самоубийстве поэта	69
Николай Михайлович Рубцов	75
Тайна гибели Николая Рубцова	75
«Люблю волков...» или портрет убийцы	76
Без свидетелей	82
Суд над Грановской-Дербиной	91
Тайна, покрытая мраком	100
Уголовное преступление – ступень к известности	105
«Ведьминские круги»	112

Литературно-художественное издание

Любовь Леонидовна Чиркова

ЕСЕНИН И РУБЦОВ

В авторской редакции

Корректор
Дизайн обложки

Н.А. Швецова
С.А. Чирков

Сдано в набор 14.11.18. Формат 84/108 ¹/₃₂.

Бумага офсетная №1. Гарнитура Arial.

Усл. печ. л. 5, 78. Тираж 100.

Отпечатано в типографии ИП «Зуев А.А.»
410010, Россия, г. Саратов, ул. Рабочая, 190

Книги Л.Л. Чирковой

1. **Мелкие брызги бытия.** Стихи. – Саратов: РИЦ «Детская планета», 2003.
2. **Скорпион.** Повести и рассказы. – Саратов: РИЦ «Детская планета», 2004.
3. **Век уходящий...** Часть 1. Очерки и эссе. – Саратов: МУК «КЦ им. П.А. Столыпина», 2004.
4. **Век уходящий...** Часть 2. Очерки и эссе. – Саратов: МУК «КЦ им. П.А. Столыпина», 2005.
5. **Человек в системе космических координат.** (Интервью с проф. Ю.А. Склярковым). – Саратов: МУК «КЦ им. П.А. Столыпина», 2005.
6. **Тайны тихой заводи.** Стихи. – Саратов: ИИК «Вестник», 2007.
7. **Выкрутасы судьбы.** Рассказы. – Саратов: ИИК «Вестник», 2007.
8. **Отражение лунной полночи.** Стихи. Саратов: ИИК «Вестник», 2008.
9. **Век уходящий...** Часть 4. Очерки и эссе. – Саратов: ИИК «Вестник», 2010.
10. **С.Н. Дурылин/ Музей С.Н. Дурылина.** Эссе. – Саратов: ИИК «Вестник», 2012.
11. **Несостоявшаяся Золушка.** Эссе. – Саратов: ИИК «Вестник», 2012.
12. **Век уходящий...** Часть 5. Очерки и эссе. – Саратов: ИИК «Вестник», 2013.
15. **Стрела – вектор жизни. Владимир Кузьмич Полянин.** Эссе. – Саратов: ИИК «Вестник», 2013.
13. **Под крылом самолёта /Книга о подполковнике В.А. Макарове.** Эссе. – Саратов: ИИК «Вестник», 2014.
14. **Век уходящий...** Часть 3. Очерки и эссе. – Саратов: ИИК «Вестник», 2014.
16. **Под крылом самолёта /Книга о подполковнике В.А. Макарове.** Эссе. (Изд. 2-е, дополненное) – Саратов: ИИК «Вестник», 2016.
17. **Век уходящий...** Часть 6. Очерки и эссе. – Саратов: ИИК «Вестник», 2016.
18. **Литературные перекрёстки.** Часть 1. – Саратов: ИИК «Вестник», 2016.
19. **Есенин и Рубцов.** – Саратов: «Наука», 2018.